

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Ход Снежной королевы

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина
Ход Снежной королевы

«Автор»

Вербинина В.

Ход Снежной королевы / В. Вербинина — «Автор», — (Амалия — секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-21768-7

В древнем замке Иссервиль, некогда принадлежавшем тамплиерам, а ныне графу дю Коломбье, происходят странные события: по коридорам бродят призраки, на зеркале появляется кровавая надпись «Вы все умрете здесь»... Хозяева и гости, собравшиеся отметить сочельник 1884 года, в ужасе, ведь за стенами замка – пурга, он отрезан от мира. Но самое ужасное, что пророчество начинает сбываться: один за другим погибают гости, а потом и сам хозяин... Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы среди гостей замка не оказалась Амалия – тайный агент русского императора, до поры до времени скрывающаяся под другим именем...

ISBN 978-5-699-21768-7

© Вербинина В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
1. Из дневника Армана Лефера, учителя фехтования	5
2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье	11
3. Запись на отдельном листке, сделанная неизвестным	15
Глава 2	16
1. То, что произошло в красной гостиной около четверти восьмого вечера	16
2. Из дневника Армана Лефера	17
3. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье	19
4. Что произошло в голубой спальне около 11 часов вечера	23
Глава 3	24
1. Странное пробуждение	24
2. Из дневника Армана Лефера	26
3. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье	29
4. То, что произошло после завтрака в комнате Андре Северена	31
Глава 4	33
1. Из дневника Армана Лефера	33
2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье	35
3. То, что произошло на дороге между деревней Сен-Пьер и замком Иссервиль	38
Глава 5	41
1. Из дневника Армана Лефера	41
2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье	44
3. Из дневника Армана Лефера	47
4. То, что произошло в комнате Клер Донадьё три часа спустя	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерия Вербинина

Ход Снежной королевы

Глава 1

24 декабря 1884 года, сочельник

1. Из дневника Армана Лефера, учителя фехтования

День был цвета тоски, а небо – цвета смерти, и положение ничуть не улучшилось, когда в комнату вошла Клер.

– Тебя хозяин ищет, – сказала она.

Клер – служанка в замке Иссервиль. Ей лет пятьдесят, и из них по меньшей мере половину она провела в семье Эрнеста дю Коломбье, владельца замка. Хозяин и его жена считают Клер преданной, усердной и заботливой, а она пользуется этим, чтобы шпионить за всеми подряд и доносить господам о каждом шаге окружающих. Слуги ненавидят Клер и заискивают перед ней, чтобы не лишиться места, а она, как и все люди из породы насекомых, наслаждается их унижением. Ее власть была бы почти безграничной, если бы не маленький Люсьен, сын хозяев, и не я, который учит его искусству фехтования, столь же прекрасному, сколь и бесполезному в наши дни. Малыш Люсьен открыто презирает старую служанку и делает все ей наперекор, только чтобы лишний раз позлить ее. Мне Клер не внушает ни презрения, ни гадливости, ни отвращения, ни страха – ничего: мне она совершенно безразлична. Ее уколы на меня не действуют, ее выпады я отбиваю с хладнокровием, которое, я чувствую, приводит Клер в куда большее отчаяние, чем молчаливая враждебность прислуги и неприкрытая – Люсьена. Я ускользаю от ее влияния, и это по-настоящему бесит ее. Если бы она могла, то подстроила бы мне какую-нибудь крупную гадость, но дело в том, что ей решительно не к чему придраться. Я не пью, не курю, не держу любовницы, не имею незаконных детей и не играю на бирже. Правда, время от времени я перекидываюсь в карты с остальными учителями, но даже граф Эрнест не прочь порой рискнуть деньгами ради прекрасных глаз червонной или трефовой дамы, так что и тут Клер не сумела бы под меня подкопаться.

Сейчас она стояла возле дверей, сложив руки на животе и поджав губы, а ее маленькие колючие глазки так и обшаривали меня с головы до ног. Весь ее вид выражал неумолимое неодобрение.

– Господин граф желает тебя видеть, – проговорила она осуждающе, видя, что я не тороплюсь откликнуться на зов.

– Спасибо, старушка, – равнодушно отозвался я.

Клер сжала губы еще сильнее, а в ее бесцветных глазах вспыхнули искры самой непристойной лютой злобы. Ничего более не сказав, она круто развернулась и ушла. К счастью для моей двери, если бы та способна была испытывать человеческие чувства, Клер слишком хорошо вышколенная служанка, чтобы поддаться соблазну грохнуть ею на прощание. Вне всяких сомнений, если бы старуха была в состоянии выразить обуревавшие ее чувства, то моя дверь разлетелась бы на мелкие кусочки. Как только старая ябеда покинула комнату, я выкинул Клер из головы и задумался, для чего мог понадобиться графу.

«Может быть, он хочет поднести мне денежный подарок на Рождество? – лениво размышлял я, повязывая перед зеркалом галстук. – Навряд ли... Хотя граф дю Коломбье и богат, как Ротшильд, с деньгами он расстается туго. Нет, он не скуп – ведь на то, чтобы перестроить

и отделать Иссервиль, ушла прямо-таки фантастическая сумма... Наверное, дело в какой-то болезни богачей – они швыряют миллионы на ветер и пытаются сэкономить в малом. А впрочем, какая мне разница? Я-то точно никогда не буду богат».

И с этой жизнерадостной мыслью я спустился вниз.

Граф разговаривал в большой гостиной со своим управляющим, Филиппом Бретелем. Сколько я вижу Бретеля, столько он мне напоминает занозу, которой лишь по недоразумению выпало стать человеком. Он высокий, тощий, узкоплечий и бледный. Вытянутое лицо с бескровными губами и с птичьим носом обрамляют хилые рыжеватые бакенбарды. Но глаза у него умные, и даже если при первой встрече он произвел на вас неприятное впечатление, то оно быстро сглаживается. Коломбье считает Бретеля своего рода финансовым гением, и, значит, так оно и есть. Когда я вошел, Филипп как раз говорил:

– И все-таки я бы советовал вам обратить внимание на этот завод. Три несчастных случая за последнее время... Сами знаете, как некоторые газеты могут преподнести все это.

– О, прошу вас, – промолвил граф с безразличной гримасой. – Не надо кормить меня байками о свободе прессы, которой, замечу, я сам и плачу.

– Однако что-то необходимо предпринять, – настаивал управляющий. – И чем скорее, тем лучше.

Граф потер подбородок. В его глазах мелькнули хитрые огонечки – как у человека, который задумал повернуть веселую шутку и не сомневается, что она увенчается успехом.

– Не беспокойся, Филипп, – сказал он. – Уверю тебя, мы решим эту проблему. Я уже принял кое-какие меры. – И он махнул рукой, показывая Бретелю, что аудиенция окончена.

Управляющий удалился, и граф Коломбье повернулся ко мне. Только что его лицо было жестким, собранным и, пожалуй, даже хищным – настоящее лицо делового человека. Теперь маска слетела с него, и передо мной оказался обыкновенный полноватый мужчина сорока четырех лет от роду, темноволосый, сероглазый, с мясистой физиономией и с маленькой холеной бородкой на ней. Высоким графа не назовешь, он скорее приземист, а что касается внешности, то многие дамы считают его привлекательным, и чем богаче он становится, тем большую красоту ему приписывает молва. В это мгновение он улыбался, и уже по его улыбке я догадался, что он хочет меня о чем-то попросить.

– Присаживайтесь, Арман, – сказал он. – Как Люсьен? Делает успехи?

Я напомнил графу, что по случаю Рождества у нас каникулы. Но добавил: разумеется, Люсьен очень одаренный мальчик.

– Да, да, – рассеянно подтвердил Коломбье. – Послушайте, Арман... Мне бы хотелось попросить вас об одной услуге.

Я ответил, что нахожусь в полном распоряжении господина графа. Услышав мои слова, он заметно расслабился.

– Дело в том, что сегодня поездом в 16.45 прибывает один человек... Мне бы хотелось, чтобы вы встретили его на вокзале.

Так-так, сообразил я, значит, это кто-то из приглашенных на Рождество гостей. Большинство их – депутат Пино-Лартиг, его помощник Констан, старый судья Фирмен, управляющий Бретель со своей половиной и химик Андре Северен – уже прибыли утренним поездом. Оставался только... Черт возьми, кто же оставался?

– Вы и сами знаете, что вокзал довольно далеко от нас, – продолжал тем временем Коломбье, – и, конечно, это представляет определенные... гм... неудобства... Я надеюсь, вы не откажетесь выручить меня.

Просительный тон был совершенно несвойствен графу, и невольно я насторожился. Так кого я должен встретить? Как его вообще зовут?

– Это не он, а она, – ответил граф на мой молчаливый вопрос. – Моя кузина Дезире Фонтенуа. Вы, вероятно, слышали о ней... Мы не встречались десять... нет, шестнадцать лет.

Неделю назад я послал ей телеграмму и пригласил сюда. Вчера от нее пришел ответ. Она приедет поездом 16.45.

– Дезире Фонтенуа? – переспросил я в неспритворном изумлении.

Коломбье кивнул.

– Как я вижу, до вас уже дошли слухи... Когда-то мы с кузиной крупно повздорили, и она перестала со мной общаться. Семейная ссора, понимаете? Мне очень жаль, что так получилось, но...

Ему было жаль! Он говорил так, словно являлся невинной жертвой, жестоко обиженной судьбой. Правда же заключалась в том, что шестнадцать лет назад, когда Дезире была молоденькой девушкой, он вознамерился выдать ее замуж за отвратительного слюнявого Пино-Лартига, чья поддержка была ему необходима. Дезире наотрез отказалась выходить за него замуж, и тогда дорогой кузен с благословения всех своих родственников выставил девушку из дома. Та являлась круглой сиротой, и ей не у кого было просить помощи. Вне всяких сомнений, Коломбье рассчитывал, что своенравная кузина скоро сдастся, однако не тут-то было. Она сошлась с каким-то итальянским принцем, шокировав весь свет, а когда принц ей наскучил, променяла его на сказочно богатого русского князя с совершенно непроизносимой фамилией. Коломбье рвал и метал, с опозданием сообразив, какую ошибку он допустил, но было уже слишком поздно. Дезире наотрез отказалась иметь с ним какие бы то ни было дела и счастливо зажила в незаконном союзе с женатым князем, чья супруга обладала отменным здоровьем и отнюдь не собиралась умирать. После короткого медового месяца в Париже Дезире вместе с князем уехала в Санкт-Петербург, но даже оттуда до нас доходили сплетни о ее экстравагантных поступках, ее расточительности и немислимых нарядах. Некоторое время назад жена князя все-таки имела такт преставиться, и больше ничто не препятствовало взбалмошной Дезире окончательно воссоединиться с ее избранником. Кто-то – кажется, дворецкий Антуан Лабиш – упоминал при мне, что мадемузель Фонтенуа вместе с князем вернулась в Париж, но так ли это было или нет, я не имел ни малейшего представления. И вот теперь граф подтверждал, что...

– Похвально, что вы хотите примирить семью, – заметил я, только чтобы хоть что-то сказать. – Это делает вам честь.

Коломбье устало улыбнулся. Вряд ли он думал о семье – быюсь об заклад, куда больше его интересовало сказочное богатство русского. Я выпрямился. Ну конечно же, старый завод! Он хочет сплавить развалину князю, причем наверняка за двойную цену, если не за тройную. И что же, граф и впрямь верит, что Дезире поможет ему в этом? Смешно!

– Значит, вы согласны встретить Дезире? – спросил Коломбье. – Я бы и сам поехал на вокзал, но не могу – дела.

Он лгал. Никаких особых дел у него не было. Но если то, что я слышал о характере Дезире, было правдой, она вполне могла попытаться выцарапать дорогому кузену глаза при встрече. Я же был для нее совершенно посторонним человеком, и даже если бы она выцарапала глаза мне, граф Эрнест с легкостью сумел бы это пережить.

– А вы уверены, что она вообще приедет? – на всякий случай спросил я. – Мало ли что могло случиться – вдруг она, например, передумала...

– Тогда вы вернетесь один, – отозвался граф, – только и всего.

Однако обстоятельства сложились так, что мне не пришлось возвращаться одному.

* * *

Кучер Альбер сказал, что подаст экипаж через четверть часа. Я поднялся к себе в комнату, чтобы переодеться. Небо по-прежнему было белое, как снег, и облака стояли так плотно, что у меня возникла вот такая мысль: богу вконец надоело смотреть на нашу безрадостную

землю, и он отгородился от нее стеной туч. Над замком с пронзительными криками кружили вороны и галки. Иссервиль стоит на неприступной горе, высоко вздымающейся над окрестностями, и то, что в другом месте казалось бы просто докучным и унылым, здесь приобретает тревожный, почти пугающий оттенок – взять хотя бы этих птиц. Во всяком случае, я был рад, когда ко мне заглянул Брюс Кэмпбелл, учитель английского, и на своем забавном французском объявил, что зима в нынешнем году ожидается суровая как никогда. Кэмп-белл – истинный англичанин, начинающий любой разговор с упоминаний о погоде, человек флегматичный, с блеклыми волосами мышиного цвета и неопределенными, как бы размытыми чертами лица. Он носит очки, которые придают ему ученый вид, но я как-то видел, как сей ученый с истинно британской невозмутимостью выпил за один присест бутылку коньяка и ухитрился после этого не свалиться под стол. Более того, он как ни в чем не бывало продолжал вести вполне светскую беседу. В сущности, Брюс – славный малый в отличие от учителя математики Жан-Поля Ланглуа. Не то чтобы Ланглуа был плохим человеком – нет, просто он так же скучен, как те цифры, которыми набита его голова. О чем бы ни шла речь, он непременно сворачивает на теоремы и аксиомы, потому что вне своей профессии не смыслит ничего. Ланглуа верит, что математика – царица всех наук, и этого вполне достаточно, чтобы презирать не только все прочие науки, но и саму жизнь, которая не сводится к цифрам и уравнениям. Словом, наш математик – невыносимый педант, но, когда садишься играть в карты, нет более надежного партнера, чем он. Вот где его сухой негибкий ум оказывает ему наилучшую службу. Вы не успели еще рассмотреть свою сдачу, как Ланглуа уже просчитал все возможные комбинации и загнал вас в угол, из которого вы выбираетесь с сильно облегченным кошельком. Впрочем... Кажется, увлекшись своими записями в дневнике, я стал безбожно врать, как некоторые наши литераторы. Ведь если говорить откровенно, мы всегда играем по маленькой, да и Ланглуа, несмотря на свою хваленую математическую логику, тоже нередко оказывается бит. Но поскольку мои записи все равно никогда не увидят света, я не стану ничего исправлять и оставляю все как есть.

Мы поболтали с Кэмпбеллом, потом англичанин ушел, а я, отыскав наконец свои перчатки, спустился вниз. В холле Матильда разговаривала с доктором Виньере; завидев меня, она мило улыбнулась и кивнула мне головой. Может быть, я мизантроп, но Матильда – единственное существо в этом замке, которое можно назвать прелестным без всяких оговорок. Когда смотришь на нее, первый эпитет, который приходит на ум, это «правильная». Правильные черты лица, темные гладкие волосы расчесаны на идеально правильный пробор, даже складки синего платья лежат правильно... но все это так же мало выражает ее суть, как мою – ремесло, которым я зарабатываю себе на жизнь. С виду Матильда кажется уравновешенной, мягкой и приветливой, но никто в самом деле не знает, какие мысли скрываются за ее высоким безмятежным лбом. И даже положение Матильды в замке вызывает пересуды охочей до сплетен прислуги. Одни говорят, что она дальняя родственница графа, другие – что она его бывшая любовница или незаконная дочь. Словом, выбирайте, что вам больше по вкусу. Мне известно только, что она давно живет в Иссервиле и что граф ее уважает – настолько, насколько он вообще способен уважать кого-либо из людей. Доктор Эмиль Виньере, кажется, к ней неравнодушен, по крайней мере, их часто видят вместе. Лично я не делаю из этого никаких выводов и вам не советую. Когда я уходил, Матильда и краснолицый здоровяк доктор продолжали разговаривать. Речь, сколько я мог судить, шла о злокачественных опухолях.

Когда я вышел из замка, вороны в небе словно замечались быстрее и закричали еще пронзительнее, чем прежде. Я не считаю себя суеверным, но от их карканья у меня мороз по коже пошел. Кое-как я забрался в экипаж и захлопнул дверцу. Альбер стегнул лошадей, и те резвой рысью направились к станции, которая отстоит от Иссервиля на добрых шесть лье¹. Местами дорогу совсем замело, так что мы прибыли на вокзал с небольшим опозданием. На

¹ 24 километра.

наше счастье, поезд тоже опоздал – из-за заносов, и когда вдали наконец зафыркало и показалось облачко черного пара, я против воли почувствовал прилив любопытства. Интересно, какая она, Дезире Фонтенуа?

Одышливо пыхтя, состав подкатил к станции и остановился. Сошли только два пассажира – немолодой военный с подвязанной рукой и красивая стройная дама в мехах. Я шагнул ей навстречу, и она тотчас направилась ко мне.

– Вы из Иссервиля? Мой кузен прислал вас? Надо же, как это мило со стороны Эрнеста! Примите мой багаж, пожалуйста.

Она говорила, улыбалась, распоряжалась, и я и сам не успел заметить, как превратился в ее слугу. Багажа было столько, что я поразился, как наша карета выдержала его тяжесть. Я помог Дезире забраться в экипаж и тут только вспомнил, что даже не назвал свое имя.

– Я Арман Лефер, – сказал я, – учитель фехтования.

Она улыбнулась, и в полумраке кареты я заметил, как блеснули ее зубы. От ее шубки тонко пахло духами, и у меня слегка закружилась голова.

– Надо же – Лефер... Подходящая фамилия для учителя фехтования²! А почему мой дорогой кузен послал именно вас, а? Или он надеялся, что вы спутаете меня с одним из своих противников?

И она засмеялась. Я почувствовал, что краснею. Непостижимо, но это было именно так!

– Туше?³ – весело спросила она.

– Прямо в сердце, мадам! – искренне ответил я.

Кажется, я поздно спохватился, что она может принять мои слова за двусмысленность, но если она и заметила что-то, то виду не подала. Конечно, она была из породы неисправимых кокеток, и все же ее кокетливость не раздражала, как это случается с некоторыми женщинами, которые, похоже, даже не догадываются, до чего навязчивы порой их ужимки и как жалко они выглядят со стороны. Дезире Фонтенуа со своими гримасками и лукавой беспечностью была – вся! – само очарование, и я сам не заметил, как начал поддаваться ее чарам. Ей сравнялось уже тридцать четыре года, а выглядела она на добрый десяток лет меньше, да и вела себя, как шаловливая девчонка. Уже потом я заметил светло-каштановые волосы, ослепительно белую кожу и капризный рот с упрямыми уголками, а тогда, в карете, видел только ее глаза – карие, почти янтарные, с пляшущими в них задорными искорками. Когда я ехал из замка на вокзал, дорога представлялась мне бесконечной, обратный путь пролетел словно один миг. Мы разговаривали с Дезире, я отвечал на ее вопросы, отклонял полушутливые выпады, которыми она – чисто по-женски – нет-нет да и пыталась уколоть меня. Она казалась легкомысленной бабочкой, созданной только для того, чтобы пленять своей красотой, но некоторые оброненные ею замечания показали мне, что в действительности она гораздо умнее, чем стремится выглядеть. Я терялся в догадках, кто же она на самом деле.

Мы приближались к замку. Дезире выглянула в окно и нахмурилась.

– Я и не думала, что здесь так мрачно, – проговорила она.

Дорога вилась по самому краю пропасти, и снег приятно похрустывал под копытами коней. Далеко внизу громоздились черные скалы, при одном взгляде на которые начинала кружиться голова, а наверху раскинулся потемневший от времени замок с островерхими башнями. Отсюда он выглядел угрюмым, горделивым и самую чуточку зловещим.

– И зачем мой кузен купил такую рухлядь? – пробормотала Дезире, зябко поежившись.

Я счел себя обязанным вступить за честь Иссервиля.

– Это очень древний замок, но внутри многое переделано, и жить там можно без всяких хлопот, поверьте мне. Хотя, конечно, нужно некоторое время, чтобы привыкнуть. Замок воз-

² По-французски le fer – железо.

³ В фехтовании – укол, означающий поражение противника.

двигли чуть ли не в эпоху Карла Великого, и тот, кто владел им, мог диктовать свою волю всей долине, расположенной у подножия горы. Долгое время он принадлежал тамплиерам, а когда Филипп Третий разгромил их орден...

– Филипп Четвертый, – живо поправила меня Дезире. – Обычно его называют Красивым. А еще у него было прозвище Фальшивомонетчик, которое историки предпочли забыть. – И она лукаво покосилась на меня.

– Я все время путаю номера королей, – признался я. – Одних Людовиков было восемнадцать штук, а еще Генрихи, Филиппы, Карлы...

– Ну а я никогда ничего не путаю, – сообщила моя собеседница. И добавила: – Надо запоминать не номера, а деяния, поступки. Все остальное совершенно несущественно.

На это мне было совершенно нечего возразить.

2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

Вчера за обедом мой папа спросил меня, кем я хотел бы стать.

– Д'Артаньяном, – ответил я.

Мне показалось, что папа был озадачен. Мама обернулась к Леферу, который тоже сидел с нами за столом.

– Это вы внушили ему такую мысль? – осведомилась она.

Месье Лефер ответил, что он и не помышлял ни о чем подобном. Это было правдой. Мой учитель превосходно фехтует, в своем полку он числился на хорошем счету, но слова «мушкетеры», «рыцари», «крестоносцы» для него пустой звук. Я вмешался (мне ужасно нравится это слово, оно звучит совсем по-взрослому) и сказал, что он тут ни при чем.

– По-моему, ты читаешь слишком много книжек, – снисходительно заметил папа, принимаясь за десерт. – Мушкетеры давно вышли из моды, как и их мушкетеры. Теперь все решают пушки.

Конечно, папа знал, о чем говорил, ведь в свое время, лет двадцать тому назад, он сам изобрел особо прочный сорт стали для пушек, и это открытие невероятно обогатило его. Я думаю, он хотел бы, чтобы я, когда вырасту, продолжил его дело, и поэтому ничего не ответил.

– Ты встречал хоть одного мушкетера? – спросила мама. – Они же больше не существуют. Как можно быть тем, кого нет?

Отец улыбнулся. Они разговаривали со мной, как с несмышленищем, словно я и впрямь не понимал, что мушкетеров уже нет, что они остались только в книжках. Я чувствовал, что родители не правы, но никак не мог сообразить, в чем же именно. Разумеется, они не лгали насчет мушкетеров, но все же, все же... Устав ломать себе над этим голову, я после обеда подошел к месье Леферу и рассказал ему о своем затруднении.

– Видишь ли, – рассудительно сказал мой учитель фехтования, набивая трубку, – когда взрослые спрашивают у ребенка, кем он хочет стать, они имеют в виду реальность, а ребенку кажется, что его спрашивают о его мечте. Поэтому тебе и твоим родителям никогда не понять друг друга.

Он разъяснил все как по писаному, и все же я немного надулся.

– Я не ребенок, – обиженно отозвался я.

Арман поглядел на меня и улыбнулся.

– Конечно, ребенок, раз так упорно отрицаешь это, – возразил он. – Только ты зря так. В детстве нет ничего плохого, уверяю тебя. Скорее наоборот.

Теперь он выражался точь-в-точь как мои родители, и мне сделалось скучно. Я ушел к себе и стал перечитывать «Двадцать лет спустя». По правде говоря, мне хотелось отправиться наружу – лепить снеговика вместе с остальными ребятами, – но мерзкая Клер наверняка наябедничала бы об этом маме, и у нее опять разыгралась бы мигрень. Да и папе тоже не нравится, когда я играю с детьми прислуги. «Они должны знать свое место», – любит повторять он. Правда, то же самое он говорит почти про всех, кроме своих самых близких друзей.

Ну вот. Сегодня был сочельник, и с утра в доме царило оживление, потому что к завтраку прибыли долгожданные гости. Я, конечно, их не ждал, но это просто так говорится. Впрочем, мне все равно было не до гостей, потому что я наконец нашел выход. Раз стать д'Артаньяном уже не получится и мушкетеры существуют только в книжках, решено: я буду писателем. Конечно, вряд ли я смогу сразу сочинить роман вроде «Трех мушкетеров», но я буду учиться. Пока я завел вот эту большую зеленую тетрадку, куда стану заносить все, что происходит вокруг. Свободного времени у меня предостаточно – сейчас каникулы, и большинство учителей разъехались по домам, а значит, я буду предоставлен сам себе. В замке остались только трое преподавателей – месье Лефер, потом месье Ланглуа, математик, и англичанин

Кэмпбелл, но вряд ли они будут мне мешать. Главное, чтобы Клер не пронюхала о том, чем я занимаюсь, но об этом я уж сам позабочусь.

В большом зале внизу поставили елку, и за столом мать жаловалась, что слуги, которые занимались ею, наследили на дорогих коврах. Что бы ни произошло, она всегда найдет повод для недовольства. Луи Констан, помощник депутата с двойной фамилией, тотчас предложил ей уволить нерадивых слуг или вычесть стоимость ковров из их жалованья. Отчего-то мать обиделась еще больше и ответила, что им и жизни не хватит, чтобы оплатить испорченные ковры. Не знаю почему, мне их разговор не понравился, и, когда все поднялись из-за стола, я пошел искать Франсуазу, горничную. Франсуаза славная, хотя и немного забитая, потому что Клер помыкает ею как хочет. Я спросил у горничной насчет ковров, и она ответила, что было всего несколько пятен от тающего снега, который принесли на сапогах, но что она и другая служанка уже все убрали. И в самом деле, ковры выглядели как новенькие, а от елки чудесно пахло лесом. Я стащил с нее одну конфету – просто так – и вернулся в гостиную. Мать сидела на диване, и на лице у нее было мученическое выражение, которое означало, что опять произошло что-то неприятное. Отец стоял перед ней, а больше в комнате никого не было.

– Уверю тебя, это самое разумное решение, – сказал отец.

– Зачем ты ее пригласил? – плаксиво спросила мать. – После того, как она столько лет вела себя, словно... – Она не договорила.

– Послушай, Анриетта, – уже раздраженно промолвил отец. – Дезире мне нужна. Ясно?

Мать, поджав губы, разглаживала ладонью несуществующую складку на юбке.

– Надеюсь, она не приедет, – наконец сказала она.

– Приедет, – отмахнулся отец. – Я уже получил от нее телеграмму с ответом.

– Ну конечно! – вскинулась мать. – Ты думаешь только о себе! А Люсьен? О нем ты хотя бы подумал? Какое влияние может иметь на него эта... эта особа?

Мне стало интересно, о ком они говорят, но тут отец повернул голову и заметил меня.

– Между прочим, подслушивать нехорошо! – сердито бросил он мне.

– Я не подслушивал, а просто стоял в дверях! – возмутился я. – Если бы я подслушивал, я бы стоял с другой стороны, воткнув нос в замочную скважину, как это делает Клер! И вообще, что происходит?

– Ничего, – уже спокойнее отозвался отец. – Я пригласил твою двоюродную тетку Дезире погостить у нас, только и всего.

– Я не хочу, чтобы она общалась с моим ребенком! – заявила мать.

– Можешь успокоиться, дети ее не интересуют, – язвительно (как мне показалось) ответил отец.

Мать вспыхнула и отвернулась.

Значит, у меня есть тетка, о которой я прежде ничего не слышал, и она «особа». Можете говорить все, что угодно, но когда женщину называют «особой», это характеризует ее не с самой лучшей стороны. Я решил, что она старая, длинноносая, занудная и с потными руками. У нас в Иссервиле живет Матильда, родственница человека, которому папа был многим обязан. И когда тот умер, папа пригласил ее к нам. Она спокойная, приятная в обращении и даже хорошенькая, но вот ее руки все портят. Всякий раз, когда она дотрагивается до меня, мне становится не по себе не знаю почему.

Мать вполголоса принялась спорить с отцом, а я воспользовался этим и улизнул лепить снеговика. Потом мы с ребятами начали строить снежную крепость, но тут явилась Клер и велела мне возвращаться. Я показал ей нос и, передразнивая ее манеру речи, сказал, чтобы она сама убиралась подобру-поздорову. Клер ушла, а через несколько минут появился Кэмпбелл и сказал, что его прислала за мной моя мать: она беспокоится, что я могу простудиться. Делать было нечего, пришлось послушаться: Брюс – не Клер, и я вовсе не хотел, чтобы у него были из-за меня неприятности. Когда мы шли обратно в замок, внизу на дороге показалась карета.

- Интересно, кто это? – спросил Кэмпбелл, оглядываясь на нее.
- Наверное, Дезире приехала, – предположил я.
- Дезире? – переспросил учитель.
- Ну да, моя двоюродная тетка.

Мы вошли в замок. Мать сразу же начала причитать, что я наверняка промок, вспотел, могу подхватить воспаление легких и желаю ее смерти. Брюс выслушивал всю эту чепуху с таким невозмутимым видом, что я невольно позавидовал ему. Пока мать отчитывала меня, слуги носили чемоданы и баулы вновь прибывшей, которых набралось никак не меньше двух дюжин, и все тяжеленькие. Отец спустился по лестнице, нервно потирая руки. Мать все еще выговаривала мне, и оттого я не сразу заметил Дезире, когда она вошла. Потом-то, конечно, я понял: не увидеть ее было невозможно, это же все равно что пропустить фейерверк. Она вся словно светилась изнутри, ее глаза блестели, как звезды, а улыбка поражала прямо в сердце (выражение я позаимствовал у какого-то писателя, а у какого – не помню). Вообще Дезире оказалась совсем не такой, какой я ее себе представлял. Во-первых, она была красавица. Во-вторых, она была молодая. А в-третьих... Впрочем, что там еще в-третьих, совершенно несущественно, если есть во-первых и во-вторых (это я уже сам придумал). Арман, который привез ее, переминался с ноги на ногу со смущенным видом, папа расточал улыбки, кланялся и целовал ей руки, мама сказала: «Мы рады видеть вас, мадемуазель Фонтенуа», – но с таким несчастным выражением лица, словно по ее коврам только что прошла вся армия Аттилы. Про Брюса и говорить нечего – он поправил очки и порозовел, как вишня. А краснолицый доктор, наоборот, даже малость побледнел. Подошли и наши гости. Индюк судья сказал «гм, гм» и многозначительно покосился на депутата Пино-Лартига, химик Северен приосанился и пригладил усы, управляющий Бретель, вместе с которым пришла и его супруга, отчего-то тяжело вздохнул, а помощник депутата Луи Констан – неприятный малый с коротко стриженными седыми волосами – только улыбался и насмешливо поглядывал на всех. Однако папа суетился больше всех: он рассыпался в комплиментах и никак не желал отпустить руку своей кузины.

– Дорогая Дезире, вы ничуть не изменились! – восклицал он. – Как я счастлив приветствовать вас под этим скромным кровом, который...

– Да уж, скромность бы ему не повредила, – хмыкнула Дезире.

Отец растерянно умолк, и его тотчас же поспешил оттереть елейный Пино-Лартиг.

– Я так жалею, – слегка сюсюкая, промолвил он, – что в свое время не стал вашим мужем. – И крохотные глазки его при этих словах сделались совсем масляными.

– Ну а я жалею, что не стала вашей вдовой, – съязвила Дезире и повернулась к нему спиной. Взгляд ее упал на меня. – Это ваш сын? – спросила она, кивая на меня.

– Да... – начал отец, но Дезире, не слушая его, уже поманила меня пальцем.

Я подошел, чувствуя, как у меня подгибаются ноги. Почему-то я не мог смотреть ей в лицо, как не смог бы смотреть на солнце, и уставился на ее платье. Но она взяла мою голову за подбородок и заставила меня поднять глаза.

– А я тебя знаю, – заявила она. – Я помню, как ты лежал в колыбельке и был похож на большую лягушку. – И она улыбнулась, отчего ее глаза замерцали янтарем.

Я даже не успел обидеться на то, что меня сравнили с лягушкой, потому что вмешался мой отец.

– Ты не могла его видеть, Дезире, – сказал он. – Люсьен появился на свет уже после нашей... э... размолвки. Ты в ту пору уже жила в Петербурге.

– Люсьен? – поразила Дезире. – А где же Гийом?

Отец тревожно шевельнулся. Глаза матери наполнились слезами, и неведомо откуда взявшаяся Клер тотчас же поднесла ей вышитый платочек.

– Гийом погиб на корабле во время крушения, – мрачно ответил отец. – Несколько лет тому назад. Ты, конечно, не знала об этом.

– А, ну да, ну да... я что-то такое слышала... – равнодушно отозвалась Дезире и обратилась ко мне: – Так сколько тебе лет, Люсьен?

– Одиннадцать, – колебавшись, признался я. – Почти двенадцать.

– И кем ты хочешь стать?

– Он собрался податься в мушкетеры, – ответил за меня отец.

Я готов был провалиться сквозь землю. Пино-Лартиг хихикнул, его помощник презрительно улыбнулся.

– Да, ты не слишком-то похож на отца, – заметила Дезире. – И слава богу. Месье Лефер! Будьте добры, подайте мне вон тот чемоданчик.

Учитель фехтования поспешно поднес ей то, о чем она просила, и Дезире извлекла из чемодана какой-то небольшой сверток в красивой подарочной упаковке.

– Вот, – сказала она, протягивая его мне. – Это тебе. Обещаешь мне быть хорошим мальчиком?

И она заглянула мне прямо в глаза.

– Обещаю! – горячо ответил я.

– Что это? – нервно спросила моя мать, с подозрением косясь на сверток.

– Рождественский подарок, – пояснила тетя, оборачиваясь к ней.

Дрожащими руками я развязал тесемки и снял пеструю обертку. Внутри была книжка на английском языке. Название – *Treasure Island*, автор – Роберт Льюис Стивенсон. Кэмпбелл с любопытством взглянул на обложку.

– Я не знаю этого автора, – промолвил он. – Какая-то новая книга?

Дезире кивнула.⁴

– Ты забыл поблагодарить тетю за подарок, – сухо заметил отец, которого, похоже, поколебало предыдущее замечание его кузины.

– Спасибо, – искренне сказал я. – Большое спасибо! – И поцеловал ей руку, как взрослый. Присутствующие снова заулыбались, но мне уже было все равно.

⁴ «Остров сокровищ» впервые вышел отдельным изданием в 1883 году. Через год последовало второе издание.

3. Запись на отдельном листке, сделанная неизвестным

Она здесь.

Как только я увидел ее сегодня, я сразу же понял, что это значит. После того дела прошло уже более трех лет, и, надо отдать им должное, они хорошо потрудились. Никто не ушел от них, кроме меня. Я – последний, и оттого я так нужен им. Конечно, у них нет никаких доказательств моего участия... или почти никаких, однако вряд ли для них это так уж существенно. Ясно, я приговорен. Едва она вошла, я прочел смерть в ее глазах.

Конечно, они допустили просчет, прислав ее. Они думали, я не смогу ее узнать... Как глупо с их стороны! Впрочем, если правда то, что я о ней слышал, она всегда действует одна. И, стало быть, у меня есть шанс.

Я еще обдумываю, как мне повернее избавиться от нее. Жаль, что у меня под рукой нет яда – он был бы надежнее и эффективнее всего прочего. Огнестрельное оружие слишком шумно и может привлечь ко мне излишнее внимание. Шпага или нож подошли бы, но... как-то не хочется мारаться. В конце концов, она же женщина. Не то чтобы я был сентиментален, но...

Конечно, можно попробовать задушить ее, как я задушил выследившего меня агента, однако вся эта возня, хрипы... Опять же, она такая женщина, которая вряд ли позволит спокойно прикончить себя.

Впрочем, выбора у меня нет. Или – или. Или она, или я. Лично я предпочитаю, чтобы из нас двоих выжил все-таки я. Конечно, это эгоизм, но, согласитесь, эгоизм простительный. Я не имею права рисковать собой из-за каких-то пустяков.

Только что посмотрел за окно, и мне в голову пришло одно занятное решение. Великолечно, просто великолепно! Никакого шума, никаких последствий. Просто и элегантно. И пачкаться совсем не придется.

Так я и поступлю. Остается только дождаться вечера... Поскорее бы он пришел!

Глава 2

Надпись на зеркале

1. То, что произошло в красной гостиной около четверти восьмого вечера

Франсуаза закончила уборку в комнате, которую занимал судья Оливье Фирмен, и перешла в красную гостиную. Здесь пыли было совсем немного. Сначала Франсуаза навела порядок на каминной полке, после чего принялась за столы и стулья. Сама того не замечая, она принялась тихонько напевать себе под нос мотивчик популярной песенки. Красная гостиная была последней комнатой, за которую отвечала горничная. Как только Франсуаза покончит с ней, она пойдет навестить кучера Альбера. Кучер был статный, пригожий малый, и сердце девушки сладко замирало всякий раз, как она думала о нем. Он нравился ей куда больше, чем лакей Маню, который прямо-таки не давал ей прохода. Конечно, у Маню водились кое-какие денежки, и все же со своей противной обезьяньей физиономией он не шел ни в какое сравнение с красавцем Альбером. Не так давно последний вроде бы дал ей знать, что он к ней тоже равнодушен, и, осторожно вытирая хрупкие фарфоровые игрушки, Франсуаза погрузилась в пленительные грезы.

«Скопим немного денег, а потом... Говорят, на Рождество все слуги получают хорошие подарки... Может, нам с Альбером и удастся пожениться... Как было бы славно!»

Тут же она вспомнила, как старый Пино-Лартиг игриво ущипнул ее за бок, причем в присутствии невыносимой Клер, которая наверняка воспользовалась случаем, чтобы разболтать про это остальным слугам. Все радужное настроение девушки куда-то улетучилось. Ах, Альбер, Альбер! И надо же было такому случиться!

«Да нет, – успокоила она себя, – вряд ли он придает рассказу Клер особое значение... В конце концов, господа есть господа, с ними не поспоришь... А месье Пино-Лартиг никого не обошел своим вниманием, приставал и к Марианне, моей подруге, и к Полине, горничной мадам... Нет, Альбер не мог подумать обо мне дурно, я уверена!»

Франсуаза оставила фарфоровые безделушки и стала вытирать большое зеркало, стоявшее напротив старинных позолоченных часов.

«Но у Клер такой змеиный язык... Она просто не может без того, чтобы не делать гадости. – Губы девушки страдальчески кривились, на переносице между светлыми бровями пролегли тоненькие морщинки. – И за что она меня невзлюбила? Что я ей такого сделала?»

Франсуазе стало жаль саму себя. Не удержавшись, она шмыгнула носом и совсем расчувствовалась. Тонкая прядка волос выбилась из прически и норовила угодить в глаз. Франсуаза машинально поправила ее и посмотрела в зеркало, чтобы проверить, все ли в порядке. Но то, что она в нем увидела, заставило ее забыть и о прическе, и о вредной Клер, и даже об Альбере.

Поперек зеркала крупными алыми буквами, выведенными кровью, шла надпись:

Вы все умрете здесь.

Мгновение Франсуаза, ничего не понимая, смотрела на алые потеки и коряво начертанные слова, но этого мгновения оказалось вполне достаточно, чтобы дикий, нечеловеческий ужас заполнил все ее существо. Выронив тряпку, девушка с громким криком бросилась прочь из гостиной.

2. Из дневника Армана Лефера

За окнами выла и бесновалась метель, когда около семи часов мы сели ужинать.

– Похоже, дорогая кузина, вы привезли с собой петербургскую погоду, – шутливо заметил граф Коломбье.

Всего за столом нас оказалось пятнадцать человек: во главе – граф Эрнест с супругой и сыном Люсьеном, подле графа – депутат Пино-Лартиг, управляющий Филипп Бретель с женой Эдмондой, дородный судья Оливье Фирмен, который почти все время молчал, поглощая пищу, потом химик Андре Северен, чьи длинные костлявые пальцы были все в пятнах от кислот и каких-то реактивов. Мадемуазель Фонтенуа сидела рядом с Люсьеном, который то и дело украдкой поглядывал на нее взором, полным обожания. По другую руку от его тети Дезире расположился доктор Эмиль Виньере, а возле него оказалась Матильда, чьим соседом с другой стороны был Луи Констан, помощник депутата. Констан – маленький, жилистый, скуластый, глаза у него пронизывающие, уши плотно прижаты к черепу, и чем-то он неуловимо смахивает на старого боксера. Чувствуется, что он сильно себе на уме и никого не принимает всерьез, кроме, пожалуй, себя самого. Трое учителей, включая и вашего покорного слугу, сидели в самом конце стола, лишь изредка вмешиваясь в общий разговор. От нечего делать я разглядывал мадемуазель Фонтенуа, которая занимала меня все больше и больше. К ужину она переоделась в роскошное темно-красное платье из тяжелого бархата, а на корсаже у нее сверкала изящная брошка в виде выложенной рубинами мыши с алмазным хвостом и изумрудными глазками. Обычно люди выглядят как неудачные дополнения к своим драгоценностям, но с Дезире все обстояло как раз наоборот. Казалось, что эта милая безделушка создана для нее, как, впрочем, и она сама – для своей брошки. Они поразительно подходили друг другу – иного слова не подберешь.

– Должно быть, вам тяжело было привыкнуть к Петербургу после нашего климата, – заметила Эдмонда.

– О мадам, – беспечно отозвалась Дезире, – любовь делает чудеса!

В ее словах не было решительно ничего необычного, однако все присутствующие почему-то заулыбались. Все, исключая, пожалуй, женщин.

– В Петербурге проживает много народу? – с деловитым видом осведомился математик Ланглуа.

– Я не считала, но, похоже, много, – ответила кузина графа.

Я терялся в догадках: и когда она успела раскусить этого педанта?

– А вы видели царя? – спросил депутат, подавшись вперед.

– Какого царя? – подняла брови Дезире. – Я знала двоих царей.

Граф Коломбье кашлянул.

– Неужели вас принимали при дворе, дорогая кузина? – с сомнением в голосе осведомился он.

– А почему бы и нет? – спокойно парировала Дезире. – Вас, дорогой кузен, ведь тоже принимали когда-то при французском дворе, и император даже пожаловал вам графский титул... за заслуги в области производства пушечного мяса.

Случайно или намеренно, но она наступила Коломбье на самое больное его место. Свой титул он получил за сделанное им изобретение, а вовсе не по наследству, как большинство дворян. И, разумеется, многие из них не упускали случая посмеяться над графом Эрнестом, называя его между собой «графом с голубятни»⁵. Поэтому Коломбье был очень чувствителен к любым разговорам на данную тему.

⁵ Colombier по-французски означает «голубятня».

Заметив, что ее муж находится в затруднении, графиня поспешила к нему на выручку.

– Мы слышали, что вы с князем собираетесь скоро сыграть свадьбу. Это правда? – вкравчиво осведомилась она.

Насколько мне было известно, ни о какой свадьбе пока речи не шло, но замужние женщины так устроены, что не могут не чувствовать своего превосходства над теми, кто еще не вступил в законный брак. С точки зрения света, положение Дезире было весьма шатким, но она лишь улыбнулась, словно замечание жены кузена несказанно ее позабавило.

– Ну, в мои двадцать шесть лет это никогда не поздно, – заметила она, с нарочитой скромностью опуская ресницы.

– В тридцать четыре, дорогая, – тихо напомнил граф.

– Я и говорю, в мои двадцать девять лет, – покладисто согласилась Дезире.

Луи Констан фыркнул. Ветер за окном засвистел еще яростнее, чем прежде, и в его вой внезапно вплеся истошный женский крик.

Граф подскочил на месте и уронил вилку. Матильда вздрогнула, Брюс Кэмпбелл озадаченно нахмурился.

– Что еще такое? – пробормотал судья.

Коломбье знаком подозвал дворецкого Лабиша и шепнул ему что-то на ухо. Тот кивнул и на цыпочках удалился.

– Сейчас узнаем, – буркнул граф, вновь принимаясь за еду.

– У вас тут случайно не водятся привидения? – поинтересовалась Дезире, мельком улыбувшись своему юному соседу.

– О, что вы! – воскликнула Матильда. – Никаких привидений у нас нет.

– Есть, – внезапно проговорил Люсьен. – Одно точно есть.

Слова мальчика были встречены всеобщим молчанием.

– Люсьен, – недовольно сказал граф, – положительно, ты читаешь слишком много книжек. Не обращайтесь на него внимания, кузина. Ручаюсь вам, ни единого призрака в Иссервиле нет и никогда не было!

– Нехорошо вводить в заблуждение людей, Люсьен, – назидательно заметила мать.

– Но я его видел! – принялся настаивать ее сын, покраснев до ушей. – Честное слово! Видел своими глазами!

– По-моему, юноша, у вас слишком разыгралось воображение, – проговорил Констан, не сводя с него тяжелого взгляда. – И на кого же было похоже привидение, позвольте вас спросить? Белая прозрачная фигура летала по коридорам и кричала страшным голосом?

Люсьен покраснел еще гуще.

– Нет, – выдавил он из себя, – призрак был в черном. Но я видел его, уверяю вас!

– Наверное, то был кто-нибудь из слуг, – предположил доктор.

– Нет, – решительно ответил Люсьен. – Как только он заметил меня, он метнулся в стену и исчез.

3. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

Стоило мне упомянуть про стену, как все посмотрели на меня так, словно я и был тем самым привидением. Папа побледнел, а мама поднесла ладонь ко лбу.

– Люсьен, ну что ты такое говоришь? Как же можно, в самом деле! Ты совсем не жалеешь свою бедную мать!

Выходило, словно я нарочно выдумал историю о призраке, чтобы ей досадить, но я-то знал, что все сказанное мной было правдой! Как-то ночью – несколько недель назад, вскоре после нашего переезда в замок – я поднялся с постели и вышел в коридор. Едва я сделал по нему несколько шагов, как уловил в темноте какое-то движение.

– Эй, – тихо спросил я во мрак, – кто здесь?

Я стоял, затаив дыхание. Никто не отвечал мне, но я был уверен – сам не знаю отчего, – что *она* тоже стоит и выжидает. В то мгновение, как и месье Виньере, я не допускал мысли, что мне мог встретиться кто-то, кроме слуг. Может, лакей Маню опять лазил в буфет – воровать оттуда кофе? Не ощущая ни малейшего страха, я двинулся вперед, как вдруг мрак колыхнулся со всхлипом, от которого у меня мороз по коже пошел. Закутанная в черное фигура бросилась от меня прочь, и, наверное, оттого, что она убегала, я, не раздумывая, кинулся бежать за ней. Кажется, я крикнул что-то вроде:

– Подожди! Стой, куда же ты?

В той части замка коридор круто забирал вправо, упираясь в тупик. Впереди не было ни одной двери, куда неизвестный мог бы скрыться от меня. Он мчался так, словно у него выросли крылья. Я отстал, а когда наконец повернул вправо, передо мной открылся конец коридора, освещенный яркой луной, заглядывавшей в окно. Коридор был пуст.

Кажется, я увидел край тени, ускользавшей в стену, и остановился, как громом пораженный. Незнакомец исчез! Он прошел сквозь стену, потому что никаких дверей тут не было. Но если он обладал способностью проходить сквозь стены, значит... значит, это был вовсе не Маню. И это не мог быть человек!

Мне стало по-настоящему страшно. До меня донесся какой-то странный шум, и я не сразу сообразил, что так громко клацают мои собственные зубы. Через мгновение я уже несея обратно к себе в комнату – так быстро, как только мог. Я запер дверь, но все равно еще долго не мог заснуть.

Однако утром, хорошенько поразмыслив над случившимся, я решил, что мне все привиделось. Наверняка в том коридоре была дверь, о которой я не знал или которую раньше попросту не заметил. Мне вовсе не хотелось возвращаться туда, но я вспомнил о д'Артаньяне и решил, что мне стыдно трусить. Переборов свой страх, я снова пришел в коридор и, тщательно обследовав его, убедился, что он глухой. Здесь не имелось ни двери, ни выхода – ничего. Значит, я не ошибся и той ночью мне и в самом деле довелось встретиться с привидением.

О том, что тогда произошло, я никому не стал рассказывать. Я полагал – и не без оснований, – что взрослые засмеют меня. Так оно в конце концов и получилось.

Я сидел рядом с тетей Дезире, сгорая от стыда, но тут вошел взволнованный дворецкий, и все, к счастью, забыли обо мне.

– Что там случилось, Антуан? – спросил месье Бретель.

И дворецкий, замешкавшись, признался, что горничная Франсуаза увидела на зеркале в красной гостинной надпись, сделанную кровью.

– Вот как? – заметил судья. – Любопытно! И что же там было, в той надписи?

Антуан смешался.

– Она говорит, месье Фирмен, там значилось: «Вы все умрете здесь», – пробормотал он. – Франсуаза очень испугалась, я никак не мог успокоить ее.

Доктор Виньере поднялся с места.

– Пожалуй, – проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь, – пойду и взгляну, что с ней.

– Обыкновенная истерика, скорее всего, – пробормотал папа, пожимая плечами.

Я заерзал на месте. Франсуаза всегда казалась мне очень уравновешенной девушкой... Или это Клер довела ее до такого состояния? Подумав, я решил, что подобное тоже могло быть.

– А надпись? – подала голос тетя Дезире. – Вы видели ее?

Дворецкий сказал, что нет.

– Так пойдемте взглянем на нее, – предложила тетя, поднимаясь с места.

Папа попытался удержать ее.

– Дорогая кузина, неужели вы верите рассказам какой-то взбалмошной горничной?

Тетя улыбнулась.

– Конечно, не верю, – певучим голосом отозвалась она. – Именно поэтому я и хочу видеть надпись. – Она обернулась ко мне: – Проводи-ка меня в красную гостиную, Люсьен!

И я вскочил на ноги так быстро, что едва не опрокинул стул.

Доктор отправился успокаивать Франсуазу, а я повел тетю Дезире в красную гостиную, которую мы называем так из-за цвета обивки на стенах. Вслед за нами потянулись и все остальные, включая даже невозмутимого Кэмп-белла.

– Глупости какие-то, – проворчал по дороге депутат.

– Совершенно с вами согласен, – поддержал его Констан.

Мы вошли в гостиную, и с порога я сразу же увидел большое зеркало, о котором говорила Франсуаза. Возле него на полу валялась тряпка – одна из тех, какими наши горничные стирают пыль.

На зеркале ничего не было.

– Я же говорил! – воскликнул Пино-Лартиг. – Все это выдумки!

Папа повернулся к дворецкому и велел ему привести Франсуазу. Мне показалось, что он очень рассержен. Констан и управляющий обменивались довольно нелестными для Франсуазы замечаниями, но я пропустил их мимо ушей, потому что во все глаза следил за тетей Дезире. Она потрогала зеркало, внимательно обследовала тряпку, которая валялась на полу, и недоуменно повела плечами. Папа с иронией наблюдал за ее манипуляциями.

– Дорогая кузина, – промолвил он, – неужели вы хотите сказать, что приняли всерьез вздор, пришедший в голову какой-то служанке? Кровавые буквы, «вы все умрете здесь»... Такое подошло бы скорее для какого-нибудь готического романа, но уж никак не для реальной жизни!

Дезире улыбнулась, и ее глаза сверкнули золотом.

– Иногда жизнь превосходит любые романы, Эрнест, – заметила она.

Но тут дворецкий вместе с доктором ввели Франсуазу, которая все плакала и никак не могла успокоиться. Заметив горничную, моя мать распрямилась, как струна.

– Скажите мне, дорогая, – сердитым тоном осведомилась она, – что вы тут такое напридумывали? Как вам не совестно!

– Клянусь, мадам! – всхлипнула Франсуаза. – Зеркало... оно... на нем были... ужасные буквы... Честное слово, я ничего не выдумываю!

– Да вот оно, ваше зеркало, – вмешался папа, указывая на него. – Когда мы пришли сюда, оно было совершенно чистое! Что на вас нашло, мадемуазель?

Франсуаза хлупнула носом и покосилась на зеркало. Я заметил, что она вовсе не хотела на него смотреть, но ей все же пришлось. Поняв, что никакой угрожающей надписи там нет и в помине, она побледнела и переменялась в лице.

– Но... я ничего не понимаю, месье... – в крайней растерянности пролепетала она. – Те ужасные слова... я видела их так же, как сейчас вижу вас... Господи! – Она заломила руки. – Господи! Что же это такое?

Кто-то легонько дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел тетю Дезире, которая чрезвычайно внимательно наблюдала за происходящим.

– Ты хорошо знаешь девушку? – вполголоса спросила у меня тетя.

Я ответил, что да, что она давно мне знакома.

– Не замечал в ее поведении никаких странностей? – продолжала тетя, пытливо глядя на меня.

Я честно сказал, что прежде ничего подобного за Франсуазой не водилось.

– Может быть, она пьет? Среди ее ближайших родственников не водилось умалишенных?

Мне не очень понравилось, что тетя готова напустить на бедняжку вместе с остальными.

– Нет, – сердито проговорил я, – Франсуаза не пьет. Вот ее подруга Марианна – та любит пропустить стаканчик-другой, но так, чтобы никто не видел. И никаких сумасшедших родственников у Франсуазы нет, ее отец держал бакалейную лавку, но разорился и помер.

Меж тем отец допрашивал Франсуазу, но не мог добиться от нее ничего вразумительного. Но девушка упрямо настаивала: она видела надпись, и та не могла ей померещиться. Франсуаза убирала в гостиной, как всегда, а когда подошла к зеркалу...

– Ты же обычно протираешь тут все по утрам, а не во время ужина, – вмешался дворецкий. – Разве нет?

Девушка обиженно ответила, что всегда готова выполнять свою работу, и вообще, у господина графа собралось столько гостей, что лишняя уборка комнатам не повредит.

Мне стало жалко Франсуазу, потому что она выглядела такой растерянной, а папа, вместо того чтобы отпустить ее, все допытывался, куда же могла исчезнуть надпись кровью, если она и в самом деле тут была. Привлеченные случившимся, в дверях столпились слуги, и то и дело в комнату заглядывала чья-нибудь любопытная физиономия. Само собою, явилась и Клер – как всегда, со своей ядовито-понимающей улыбочкой на лице, которую я терпеть не мог.

– Вот что случается, когда бегают за всякими кучерами! – сказала она как бы про себя, но так, что ее слышали все. – В голове всякая чепуха, вот ей и чудится невесть что.

Франсуаза закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Даже моя мать и та, по-моему, смутилась! Но Клер, ясное дело, все было нипочем.

Отец развел руками, показывая, что больше он ничего не может поделать. Лабиш увел всхлипывающую девушку, а тетя Дезире подошла к доктору.

– Месье Виньере, можно с вами поговорить? Скажите, вы имели дело с Франсуазой прежде?

– То есть как с пациенткой? – уточнил доктор. – Разумеется, мадемуазель Фонтенуа. Я лечу всех, кто живет в замке, это входит в мои обязанности.

– А от чего вы лечили Франсуазу? – осведомилась Дезире.

Доктор Виньере пожал плечами.

– Ну... от того же, от чего и других женщин. Головные боли, простуды, легкие недомогания...

– Вот как, – уронила тетя. – Скажите, доктор, только откровенно: у вас не создавалось впечатления, что Франсуаза – фантазерка? Есть, знаете ли, такие люди с болезненным воображением, склонные придумывать разные разности, чтобы только привлечь к себе внимание. За ней ничего подобного не водилось?

Однако доктор решительно покачал головой.

– Нет, мадемуазель Фонтенуа. Конечно, Франсуаза – впечатлительная девушка, легко поддающаяся внушению, немного слабохарактерная, но те же недостатки в той или иной мере присущи большинству людей, и в них нет ничего патологического.

– Вот как... – повторила задумчиво тетя. – Что ж, благодарю вас, месье Виньере.

Она кивнула доктору и отошла, после чего достала из сумочки небольшой изящный мундштук и непринужденно закурила. Я был в восторге, чего, кажется, нельзя было сказать об остальных присутствующих.

– Что такое, кузен? – лукаво осведомилась Дезире у папы, которого ее манеры явно шокировали. – Вы никогда не видели курящую женщину?

Папа пожал плечами и отвернулся. Чувствовалось, что у него просто не было слов.

– Ей-богу, – доверительно сообщил Констан судье Фирмену, – она начинает мне нравиться.

– Осторожнее, Луи, – довольно кислым тоном отозвался тот. – Уверяю вас, этот фрукт не про вас!

Мне надоело слушать их глупости, и я подошел к тете, которая развалилась в кресле и как ни в чем не бывало пускала дым.

– Вы ведь не поверили Франсуазе, так? – напрямик спросил я.

Тетя вынула мундштук изо рта и улыбнулась.

– Мой мальчик, я привыкла верить фактам. А факты говорят мне, что на зеркале не было никакой надписи. Я не случайно так тщательно все осмотрела. Зеркало было абсолютно сухое, и тряпка на полу – тоже. Если бы там и имелась надпись, которую стерли, чтобы ввести нас в заблуждение, то хоть какие-нибудь следы наверняка остались бы. В то же время я видела лицо Франсуазы, когда она рассказывала о надписи, и слышала ее слова. Девушка не лгала, уверяю тебя. Что-то ее напугало, причем напугало не на шутку.

– И что же вы думаете? – нервно спросила Матильда, которая оказалась поблизости и слышала наш разговор.

Тетя перестала улыбаться.

– Я думаю, что произошедшее очень странно, – с расстановкой проговорила она. – Очень.

Я поглядел на зеркало и поежился. Заметив мой взгляд, тетя протянула руку и погладила меня по голове.

– Ничего, Люсьен, – уже мягче проговорила она. – Не обращай внимания. Уверена, все это глупости.

Однако сам я вовсе не был в том уверен.

4. Что произошло в голубой спальне около 11 часов вечера

В большой комнате важно постукивали часы: тин-тон. Метель за окном улеглась, но по-прежнему с небес сыпал мелкий снег. Дезире Фонтенуа – вернее, та, что называла себя ее именем, – сидела возле камина, вытянув тонкие руки вдоль подлокотников. Почти все в замке уже спали в сей час, но у Дезире не было никакого желания лечь в постель. Она размышляла.

«Замок с привидением... Готический роман... Надпись, выведенная кровью... Вздор? Конечно, вздор. Но я видела ее глаза, полные страха, – стало быть, она говорила правду. И мальчик... Да, он много читает, ему тоже могло что-то привидеться со сна... но и тут у меня не возникло ощущения, что он сочиняет. – Она зябко передернула плечами. – Ну вот, опять начинает выть ветер. Как все-таки неуютно жить в старых замках. Сидишь ночью у камина, и в голову начинает лезть бог знает что...»

Если бы Дезире не была так погружена в свои мысли, она бы наверняка смогла заметить, что в комнате, кроме нее, появился кто-то еще. Тень скользнула по ковру, приблизилась к сидящей... Молодая женщина, почуяв неладное, быстро повернула голову, но было уже слишком поздно. Страшный удар обрушился на нее, и Дезире Фонтенуа провалилась в небытие.

«Тень» удовлетворенно хмыкнула, сунула в карман кистень, которым оглушила свою жертву, и критически оглядела обмякшую в кресле Дезире. На цыпочках скользнув к двери, «тень» выглянула в коридор и убедилась, что тот совершенно пуст. Энергично потерев руки, «тень» вернулась к Дезире и с примечательной легкостью взвалила тело жертвы на плечо, после чего покинула комнату.

Ветер жалобно взвизгнул, когда неизвестный вышел из замка наружу, по-прежнему неся бесчувственное тело молодой женщины. Он едва не поскользнулся и свирепо чертыхнулся, чтобы отвести душу. Отойдя на несколько десятков шагов от входа, злодей огляделся и, вторично убедившись, что никто не следит за ним, положил Дезире на дорожку возле большого сугроба. Молодая женщина слабо застонала, не открывая глаз. Метель кружила над ней, и снег уже начал оседать на ее красном платье, бледном лице и черных ресницах.

– Прощайте, баронесса, – вполголоса промолвил человек-тень и, запахнув на себе куртку, вернулся обратно в Иссервиль, где его ждали теплая постель и безмятежный сон.

Дверь захлопнулась. Дезире Фонтенуа лежала на припорошенной дорожке, не в силах пошевелиться. В ее каштановых волосах запутались снежинки, и ледяной ветер оведал ее коченеющее лицо.

Глава 3

25 декабря, Рождество

1. Странное пробуждение

«Вставай, вставай, вставай, – шептали голоса, доносящиеся словно издалека. – Замерз-нешь – умрешь – пропадешь!»

Но нет сил даже разлепить веки, не то что шевельнуть рукой.

«Ты должна встать! Немедленно! Сейчас же! Иначе холод – гибель – смерть!»

Мысли царапаются в голове, как противные маленькие мышки, и нет от них покоя, нет от них спасения.

«Но я не могу...»

«Надо встать! Всего несколько шагов, и ты в безопасности... Ты не можешь позволить себе пропасть вот так! Иначе *он* будет торжествовать!»

Дезире прикусила губу. Очевидно, до крови, потому что сразу же ощутила во рту ее солоноватый привкус.

«Господи, я жива! – в смятении подумала она. – Какое счастье! Теперь надо только встать на ноги и идти».

Главное – забыть о боли, о том, что голова словно раскалывается на куски. «Потом... Я отложу боль на потом. Когда доберусь до замка...»

С судорожным всхлипом Дезире рывком садится.

И в то же мгновение открывает глаза.

Тин-тон. Важно шуршат маятником часы, со стены на самозванку укоризненно смотрит портрет Марии-Антуанетты, судя по всему, работы Виж-Лебрэн... И в камине золотятся угли. Тепло... и хорошо. Господи, как хорошо!

«Этого не может быть, – в смятении думает Дезире. – Нет! Я умерла... и мне все это снится. О-о!»

Часы хрипят, кашляют, словно прочищая горло, и бьют двенадцать раз.

Двенадцать раз... Полночь... Рождество.

Дезире протягивает руку и трогает покрывало на постели. Нет, она вовсе не умерла. Она лежит на своей кровати в голубой спальне. Так что же, неужели ей привиделось все, что было? Тень, скользнувшая по ковру, нападение, коварный удар...

Машинально Дезире коснулась своих волос – они были влажные, а материя платья в нескольких местах стала мокрой из-за снега. Нет, то, что случилось с нею, произошло наяву. Кто-то доставил ее сюда после того, как какой-то мерзавец оглушил ее и вынес из замка, чтобы она замерзла до смерти. При одном воспоминании о морозе и метели Дезире стало нехорошо.

Итак, кто-то спас ее, но кто?

Мадемуазель Дезире Фонтенуа так устроена, что любит выяснять все до самого конца. И она выяснит.

Господи, как же болит голова! С тихим стоном Дезире оглядывает спальню. Никого. Совсем никого. Что же это все значит, дамы и господа?

«Наверное, меня спасло привидение, – лениво размышляет Дезире, утирая кровь, которая течет из закушенной губы. – Да, да, привидение, которое живет в замке. Но нет, глупости! Кто-то из слуг заметил меня и принес сюда, только и всего. Через минуту он войдет в дверь и станет, потупясь, скромно кланяться деньгами за спасение моей жизни. И, само собою, я щедро его вознагражу».

Она повернула голову и только теперь заметила в углу большое трюмо с красивым овальным зеркалом в серебряной раме, украшенной орнаментом из листьев и цветов, в которых прятались пухлощечные амуры. Дезире озадаченно нахмурилась. Что-то в зеркале привлекло ее внимание. Молодая женщина кое-как сползла с постели и, цепляясь за мебель, приблизилась к трюмо.

Нет, она не ошиблась. Все было именно так, как ей показалось вначале. Поперек зеркала шла размашистая надпись, выведенная какой-то алой жидкостью, подозрительно напоминающей кровь.

Надпись гласила:

Остерегайтесь Кэмпбелла!

Ноги не держали Дезире, и она рухнула на стул. На мгновение закрыла глаза, но, когда вновь открыла их, надпись была все там же и не собиралась исчезать. Более того, теперь было ясно видно, что писали именно кровью. Кто-то обмакнул в нее указательный палец и таким образом вывел на зеркале свое предупреждение.

– Черт побери! – тоскливо проговорила Дезире. – Вот черт побери!

Определенно, более подходящие слова в этой ситуации трудно было подыскать.

2. Из дневника Армана Лефера

День обещал быть точно таким же, как и все остальные дни. Привкус праздника, заключавшийся в нем, не делал его ни лучше, ни хуже – или, по крайней мере, так казалось мне. Праздник был во мне самом, потому что я проснулся с мыслью о Матильде и неожиданно понял, что люблю ее. Люблю ее внимательные серые глаза, люблю мелкие завитки темных волос на ее затылке, люблю спокойное милое лицо – не красивое, а именно милое. Сначала она казалась мне немного надменной, эта немногословная молодая женщина с ровными манерами, однако вскоре я понял, что на самом деле она очень уязвима. Кто она в Иссервиле? Нечто среднее между прислугой и бедной родственницей, а ведь по одному ее виду ясно, что она не может быть ни тем, ни другим. Она умна, образованна – я сам видел, как она помогала Люсьену разбирать какую-то сложную математическую задачу. Она... Но тут в мои мысли самым бесцеремонным образом вторглась реальность в облике Клер Донадье.

– Вы все еще в постели? – язвительно осведомилась старая служанка.

Тон ее красноречивее слов говорил: надо же, всякие бездельники только и делают, что прохлаждаются, в то время как честные люди... и так далее. К честным людям она, разумеется, относилась в первую очередь себя и, конечно, сильно удивилась бы, если бы ей сказали, что на свете есть кое-кто и получше ее.

– Да, я в постели, – ответил я на ее слова. – А вы что же, собираетесь ко мне присоединиться?

Старая мегера ахнула и отшатнулась, закрыв рот ладошкой.

– О! Надо же, как мы заговорили! А как же несравненная Матильда? Вы что же, больше не мечтаете о ней? Впрочем, как бы вы ни старались, у вас все равно ничего не выйдет, потому что она уже занята. Вот так-то!

И с гордо поднятой головой Клер выплыла из комнаты, оставив Армана Лефера лежать поверженным на поле брани, роль которого на сей раз выполняла старая кровать с витыми столбиками, поддерживающими не существующий более балдахин.

Да, я был повержен, раздавлен, уничтожен. Впереди был еще один безрадостный серый день, и ничто в целом свете уже не могло скрасить его. Одеваясь, я твердил себе: Клер ненавидит меня, она могла все выдумать из злости, но... А какой ей резон выдумывать – ей, которая шныряла везде, как тень, и знала обо всем, что происходило в замке, и даже о том, что еще только могло произойти? Поневоле приходилось признать, что, скорее всего, она сказала правду. Неужели между Матильдой и немолодым доктором Виньере что-то есть?

В самом скверном расположении духа я спустился вниз и почти сразу же увидел ту, о которой неотступно думал все время. Стоя у окна, Матильда разговаривала с графом, который выглядел хмурым и недовольным.

– Это черт знает что такое! – сердито говорил он. – На Новый год я устраиваю в парижском особняке торжественный прием на восемьдесят персон. И как я теперь туда попаду?

– Доброе утро, господин граф, доброе утро, мадемуазель Бертоле, – сказал я, подходя к ним. – Что-нибудь случилось?

Граф объяснил, что снежная буря замела все дороги, и он не уверен, что ему удастся поспеть в Париж к намеченному приему, так как железная дорога, судя по всему, тоже не действует. Я ответил в том духе, что сегодня только 25-е число, и до Нового года все наверняка образуется. Матильда поглядела на меня благодарными глазами.

– Честно говоря, – промолвила она, – и я того же мнения. Ни к чему волноваться, месье Эрнест. Уверю вас, все будет хорошо.

Наверное, я переменялся в лице. Матильда назвала графа «месье Эрнест», и в ее устах обращение прозвучало так естественно, так буднично... А ведь граф Коломбье весьма нетер-

ним к любого рода фамильярности! Черт возьми, похолодел я, неужели Матильда – его любовница, и именно на это намекала мерзкая Клер?

– Что с вами, месье Лефер? – с удивлением спросила Матильда, глядя на меня.

Я выдавил из себя улыбку.

– Ничего... Кажется, из-за непогоды у меня разыгралась головная боль.

– Тогда вам следует обратиться к доктору Виньере, – заметила Матильда.

Нечего сказать, хороший совет!

– Спасибо, – сквозь зубы ответил я, – как-нибудь обойдусь.

Депутат вместе со своим помощником только что вошли в гостиную, и граф устремился к ним. Матильда пристально поглядела на меня.

– Последнее время вы неважно выглядите, – заметила она.

– Нелегко быть зависимым, – с горечью отозвался я.

– Я знаю. – Матильда серьезно кивнула. – Но иногда приходится.

Я готов был говорить с ней вот так – доверительно и просто – хоть целую вечность, но тут появились Ланглуа и англичанин в сопровождении химика Северена. Последний, бурно жестикулируя, объяснял спутникам суть какого-то сложного химического процесса, в котором те оба, разумеется, ничего не смыслили. Однако Ланглуа вежливо слушал, а Кэмпбелл с невозмутимым лицом время от времени кивал головой и говорил: «Oh, yes». Завидев меня, Ланглуа обрадовался – не мне, конечно, а возможности прервать опостылевший разговор:

– Вот и вы, месье Лефер! Не слышали, что нам подадут на завтрак?

Я усмехнулся – едва ли не больше, чем свои цифры, наш математик любит поесть – и ответил, что понятия не имею о том, каково будет наше утреннее меню.

– Очень жаль! – вздохнул Ланглуа, и внезапно до нас донесся истошный женский крик.

Граф прервал свой разговор с депутатом, Брюс Кэмпбелл типично по-английски неодобрительно вздернул брови, а я... Что касается меня, то, кажется, на мгновение я почувствовал такой ужас, какого не испытывал, даже когда шел в первую в своей жизни гусарскую атаку.

Крик захлебнулся на самой высокой ноте, но уже через мгновение повторился вновь. Не раздумывая, мы все бросились к выходу и, толкаясь локтями, кое-как продрались в дверь.

– Ну, если это опять проделки Франсуазы, – процедил сквозь зубы граф, – я ей задам!

Однако Франсуаза оказалась ни при чем. Навстречу нам выбежала другая служанка, круглолицая Марианна, и дрожащим голосом сказала, что с госпожой Бретель что-то произошло и она боится войти к ней.

– Ведите сюда доктора, срочно! – распорядился Коломбье.

Марианна кивнула и убежала, а мы подошли к комнате мадам Эдмонды, из которой по-прежнему доносились дикие крики.

Нас было семеро здоровых мужчин, и все же мы стояли и переглядывались, не зная, что предпринять. Спасла положение, как всегда, женщина. Матильда решительно постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла.

– Мадам Бретель, что с вами, что случилось?

Я едва узнал элегантную Эдмонду Бретель в том существе, которое сползло с кресла и бросилось навстречу Матильде. Волосы жены управляющего стояли дыбом, зубы стучали. Она пыталась сказать что-то, но у нее не выходило ничего, кроме сдавленного хрипа.

В дверь вбежал доктор Виньере, за которым по пятам следовала Марианна. Я заметил, что она не решилась войти в комнату, а остановилась на пороге, боязливо поглядывая внутрь.

– Мадам Бретель, – воскликнул Виньере, – что, что такое? Вас что-то напугало?

Эдмонда тихо застонала и повалилась в обморок. Мы засуетились вокруг нее, не зная, как помочь несчастной женщине, и, конечно, больше мешали, чем помогали. Следует отдать должное Виньере – он сумел быстро привести ее в себя.

– Что произошло, мадам Бретель? – с некоторым раздражением в голосе спросил граф Коломбье. – Вы нас всех переполошили не на шутку!

Жена управляющего беззвучно заплакала. Слезы катились по ее увядшим щекам, оставляя блестящие дорожки.

– Вы не поверите мне, – еле слышно выдавила она из себя. – Я и сама не поверила бы, если...

– Я слышал какие-то крики. Что случилось? – С этими словами в дверь вошел ее муж, за которым по пятам следовала очаровательная мадемуазель Фонтенуа.

С грохотом на пол повалилась случайно сброшенная кем-то со стола тяжелая ваза. Дезире поглядела на нее и укоризненно покачала головой.

– Осторожнее, мистер Кэмпбелл, – сказала она. – Не то мой кузен может вычесть ее стоимость из вашего жалованья.

Брюс покраснел, как вареный рак.

– Простите, – пробормотал он, – я нечаянно.

Меж тем Филипп Бретель с недоумением оглядывал лица присутствующих.

– Я не понимаю, – проговорил он, – ничего не понимаю. Это ты кричала, Эдмонда? На тебя кто-то напал? Что случилось, в конце концов?

Эдмонда вытерла слезы. Ее губы судорожно скривились.

– Хорошо, – устало промолвила она, – хорошо... Я все вам расскажу.

3. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

– Она видела призраков, – сказала тетя Дезире.

– Призраков? – поразился я.

– Да. Четыре ужасных призрака в темных одеждах вышли из стены и стали кружить вокруг нее. Ясное дело, они напугали ее до смерти.

Подумать только – я пропустил такое происшествие! А все оттого, что вчера до поздней ночи читал «Остров сокровищ» и заснул уже в четвертом часу.

– Значит, Франсуаза не солгала нам, – вырвалось у меня, – она действительно что-то видела. Я тоже видел темную тень, и это не мог быть живой человек, раз он проходил сквозь стены. – Внезапно меня осенило: – Ну конечно же! Тетя Дезире, я знаю, кто это!

– Что за глупости, Люсьен, – проворчал мой отец.

– Но ведь ты сам когда-то рассказывал, – не унимался я, – что давным-давно замок принадлежал тамплиерам. Когда их орден был уничтожен, многие предпочли забыть о том, кем они были, но четверо рыцарей не пожелали отречься. И тогда их замуровали в стене! Заживо! Вот поэтому они и бродят теперь, пугая нас!

Мать уронила вилку в тарелку и заплакала. Что же до отца, то я видел, что он с трудом сдерживал раздражение.

– Люсьен, малыш, – наконец проговорил он. – Конечно, мы все признательны тебе за твою версию, но, видишь ли... Когда я купил замок, я распорядился почти полностью перестроить его. Так вот: тут не было никаких замурованных в стены мертвецов! И никаких следов тамплиеров тоже не было!

– А ты везде смотрел? – спросил я. – Может, ты просто их не заметил? Да и потом, в Иссервиле не так уж много переделано, как кажется. – Тут мне в голову пришла другая мысль: – А что, если, перестраивая замок, ты потревожил их покой? Вот они и недовольны.

– Люсьен! – прошипел отец. – Дезире, скажите ему, пожалуйста, чтобы он не городил вздора. Имею я право отдохнуть, в конце концов? Хотя бы в Рождество!

Я надулся и устался в тарелку.

– А что, такая легенда действительно существует? – спросила тетя. – Я имею в виду, о замурованных рыцарях?

Матильда улыбнулась.

– Это всего лишь легенда, мадемуазель Фонтенуа, – ответила она.

– Уверен, ее выдумал сам продавец, чтобы поднять цену за замок, – буркнул отец.

Депутат хихикнул.

– Значит, вы в нее не верите? – спросила Дезире.

Прежде чем ответить, отец покосился на пустующее место мадам Эдмонды. Сегодня она предпочла остаться у себя, и муж вызвался составить ей компанию.

– Я полагаю, что мадам Бретель что-то привиделось, – довольно сдержанно ответил он. – И скорей всего, привиделось под влиянием рассказней дурехи Франсуазы, которая вчера ухитрилась увидеть несуществующую надпись. – Он повернулся к доктору: – Как вы считаете, месье Виньере, такое возможно?

– Вполне, – после некоторого колебания ответил доктор. – Только меня удивляет, что мадам Бретель, такая... э... здравомыслящая женщина, могла поддаться... гм... этому влиянию.

– Судья Фирмен тоже здравомыслящий человек, однако и он не пришел к завтраку, – проворчал Констан. – Все дело в том, до какой степени мы верим в собственный здравый смысл.

– Может быть, Оливье просто спит? – предположил Пино-Лартиг. – Или пошел куда-нибудь прогуляться? Сегодня, честно говоря, я его не видел.

Отец послал Антуана спросить у судьи, не присоединится ли он к нам. Дворецкий важно кивнул и удалился.

– Интересно, а что наука думает о призраках? – заметила тетя Дезире. – Ваше мнение, месье Северен?

Химик как-то замялся, но в конце концов все-таки признался, что с точки зрения науки призраков не существует.

– Вы придерживаетесь того же мнения, месье Ланглуа?

Математик отозвался в том смысле, что его науке ровным счетом ничего о призраках не известно и поэтому он воздержится от суждения по данному вопросу. Брюс Кэмпбелл кашлянул.

– Должен вам сказать, что у меня на родине, в Англии, очень даже верят в существование призраков, – сказал он.

Тетя Дезире улыбнулась.

– Да, я тоже склонна в них верить – иногда, – промолвила она, и ее глаза сделались совсем золотыми. – Известны случаи, когда человек, которого считали мертвым, вновь появляется среди живых. Правда, – со вздохом добавила она, – подобное происходит весьма редко. Не так ли, мистер Кэмпбелл?

Мне не понравился тон ее слов. Она словно заигрывала с этим надутым англичанином... или играла с ним, как кошка с мышкой. И что она могла в нем найти?

– Кажется, месье Лефер еще не высказал своего мнения, – заметил папа с легкой иронией. – Вы верите в привидения, Арман?

Учитель фехтования поднял глаза...

Раз уж я твердо решил быть писателем, то должен уметь передавать не только действия, но и внешность героев, и сейчас я попробую описать Армана. Нос обыкновенный, рот обыкновенный, глаза обыкновенные, зеленоватые. Нет, не так. Волосы темные, глаза зеленоватые, над левой бровью небольшой поперечный шрам. Ближе, но все равно не то. Может, надо лишь написать, что у него худое сосредоточенное лицо и очень внимательный взгляд? На вид ему (Арману то есть, а не взгляду) лет тридцать, а может, тридцать пять. Что ему не пятьдесят, это точно. А еще точнее, что описания людей мне, похоже, не даются. Значит, придется учиться, тут уж ничего не попишешь.

Арман молчал, не отвечая. Кажется, он катал по столу хлебный шарик, хотя я и не уверен.

– Ну так что, любезный? – осведомился депутат, брюзгливо выпятив нижнюю губу. – Верите вы в привидения или нет?

– Я бывший военный, – отозвался мой учитель.

– Значит, нет? – уточнила Дезире.

Арман пожал плечами.

– Когда человек умирает, он умирает навсегда, – спокойно промолвил он. – Можете мне поверить.

Интересно, что бы он сказал, встретиться он лицом к лицу с существом, которое проходит сквозь стены? Я думаю, ему пришлось бы пересмотреть свои взгляды.

Дворецкий вернулся и доложил, что судьи нет в его комнате и никто из слуг не знает, где он.

– Наверное, его утащили призраки, – желчно предположил Констан. Однако шутка не вызвала того отклика, на который он рассчитывал.

– И охота вам зубоскалить, Луи, – одернул его депутат. – Наверняка он скоро будет. Он ведь любит делать по утрам моцион – для здоровья.

– Конечно, патрон, – спокойно согласился помощник. – Не сомневаюсь, вы совершенно правы.

И до самого конца завтрака никто больше не вспомнил о судье.

4. То, что произошло после завтрака в комнате Андре Северена

Химик был встревожен. Сначала служанка увидела какую-то странную надпись... потом какие-то призраки... Чем дальше, тем меньше ему все это нравилось, и после завтрака, отведя хозяина в сторону, он совсем откровенно сказал, что хотел бы уехать.

Граф Коломбье сделал попытку рассмеяться, которая, впрочем, вышла у него довольно жалкой.

– Вы шутите, Андре? От кого угодно я мог ожидать подобного заявления, но не от вас... Мало ли что могло померещиться ребенку и глупым женщинам!

– Мадам Эдмонда вовсе не глупа, – возразил Северен.

Граф внимательно посмотрел ему в лицо.

– Признайтесь, Андре, неужели вы испугались? Я просто не могу в это поверить!

– Дело вовсе не в страхе, – отозвался химик, задетый за живое. – Просто мне нужна спокойная обстановка, чтобы закончить необходимые расчеты.

Граф поморщился.

– Стало быть, вам еще не удалось вывести окончательную формулу? Жаль...

– Я очень близок к ней, – заявил Северен, – но на завершение разработки взрывчатого вещества нужно время. И потом, мне не хватает моей лаборатории. Я крайне признателен вам за то, что вы пригласили меня полюбоваться на ваш замок, он просто великолепен, но теперь... Мне надо снова браться за работу. Одним словом, – он собрался с духом, – я хотел бы уехать как можно скорее.

Именно тогда граф и сказал ему, что все дороги занесло и что покамест об отъезде нечего и думать.

– Подождите, Андре, прошу вас... Через два-три дня мы с вами вместе уедем отсюда, обещаю вам.

Химик нахмурился. Два-три дня! Еще столько времени придется провести в постылом замке, который (он это чувствовал) начинает действовать ему на нервы! Он поклонился графу и ушел.

«Здесь творится черт знает что... – Тут химик вспомнил, что его тетрадь с расчетами осталась лежать на столе, и, стало быть, любой, кому вздумается, может просмотреть ее. – Этого еще только не хватало! Нет, раз уж тут по комнатам шастает неизвестно кто, лучше я упрячу тетрадь подальше... Потому что, если все обстоит и впрямь так, как я думаю, то новое вещество... О, оно будет гораздо мощнее динамита господина Нобеля!»

Ускорив шаг, химик добрался до своей комнаты. Дверь была приоткрыта, и, бог весть почему, это сразу же пробудило в Андре Северене самые неприятные предчувствия.

«Положительно, у меня расшатались нервы... Наверняка тут вина Маню, который убирает мою комнату. До моей тетради ему нет никакого дела».

Однако внутри оказался вовсе не Маню, а совершенно другой человек, который, стоя у массивного бюро, чрезвычайно внимательно просматривал заметки, сделанные химиком в его заветной тетради.

От ярости у Северена все поплыло перед глазами.

– Милостивый государь! – высоким, тоненьким голосом выкрикнул он. – Что вы тут делаете? Как вы смеете...

Человек, стоявший возле бюро, поднял голову и вороватым движением, которое больше всего поразило химика, попытался захлопнуть тетрадь, но было уже слишком поздно. Химик видел его, узнал, что он интересовался его расчетами...

– Я искал вас, – забормотал незванный гость, – думал, что вы у себя, пришел к вам... а тут тетрадь... И я просто так открыл ее, чтобы посмотреть...

– Месье, вы лжете! – выкрикнул окончательно выведенный из себя химик. – Как вы могли искать меня, когда мы с вами были в одной комнате, и вы ушли, убедившись, что я разговариваю с графом? Я буду вынужден доложить ему о вашем недопустимом поведении!

Андре Северен повернулся и сделал шаг к двери. За его спиной человек ощерился и достал из кармана небольшой револьвер.

– Ну ладно, месье Северен, – процедил он сквозь зубы, – раз вы не захотели по-хорошему, значит, придется по-плохому.

Химик не успел дойти до двери, когда где-то неподалеку внезапно грянул гром. Это было странно, потому что за окнами стояла зима и никакой грозы не могло быть и в помине. Но еще более странным оказалось то, что ноги Андре неожиданно подломились в коленях, и собственное тело внезапно показалось ему тяжелым, невыносимо тяжелым. «Словно оно из свинца», – успел по привычке подумать ученый. Он сумел, шатаясь, сделать еще один шаг, но на следующий его сил уже не хватило, и химик повалился на пол, нелепо раскинув руки. Из рта его бежала струйка крови. Незнакомец спрятал револьвер, забрал тетрадь и подошел к двери.

– Я же говорил вам, месье Северен, – укоризненно промолвил он, – а вы меня не слушали.

Но Андре Северен уже не мог ничего ему ответить. Он был мертв.

Глава 4 Воронье

1. Из дневника Армана Лефера

Вновь я обмакиваю в чернила стальное перо, чтобы продолжить мой рассказ о странных событиях того странного дня. С чего же мне начать? С бледного лица Эдмонды Бретель? Но об этом я уже писал. Описать утренний завтрак, на котором впервые несколько мест оказались пустыми? Или боязливые косые взгляды и перешептывания слуг?

Да, пожалуй, начать следует с последнего.

За завтраком не произошло ровным счетом ничего заслуживающего внимания, и я удалился к себе – отрабатывать один удар, который мне никак не давался. Не прошло, однако, и пяти минут, как на пороге появилось постороннее лицо. Это был Антуан Лабиш, дворецкий.

– Можно поговорить с вами, местье? – спросил он.

Я не принадлежу к тем людям, которые считают, что лучшее в обращении с прислугой – ледяная надменность и едва скрываемое пренебрежение. Если я вижу, что имею дело с приличным человеком, я и обращаюсь с ним соответственно, но если слуга или служанка слишком многое себе позволяет, я немедленно ставлю его (или ее) на место. Что же до Антуана, то я уже давно решил для себя, что он принадлежит к первой категории. У него благородное лицо с орлиным профилем, обрамленное двумя полумесяцами бакенбард. Не знай вы о его профессии, вы бы почти наверняка приняли его за какого-нибудь герцога или потомка старинного рода. Впрочем, в наше время слуги все больше похожи на аристократов, а аристократы – на нашкодивших лакеев. Возможно, это следствие того, что они частенько меняются отцами. Последняя мысль, честно говоря, немало меня позабавила, но ради Антуана я поторопился согнать с лица улыбку. В сущности, он славный малый, и я не хотел бы, чтобы он плохо обо мне думал.

– Входите, Антуан, – сказал я. – О чем вы хотели поговорить со мной?

Дворецкий опасливо оглянулся, после чего шагнул в комнату и с тщательностью, немало меня озадачившей, затворил входную дверь.

– Среди прислуги ходят разные слухи, местье, – кашлянув, начал он. – Особенно после того, что произошло сегодня с мадам Бретель.

А-а, понятно. Стало быть, речь опять пойдет о привидениях.

– Граф Коломбье считает, что у нее не в меру разыгралось воображение, – заметил я.

Мне показалось, что Антуан колеблется.

– Дело в том, местье, – наконец проговорил он, – что *это* началось вовсе не сегодня. И даже не вчера.

Я положил шпагу и медленно подошел к креслу. Что, черт возьми, он имеет в виду?

– Садитесь, Антуан, – сказал я. – И расскажите мне то, что знаете.

Дворецкий не замедлил воспользоваться моим приглашением. Он опустился на стул возле меня и, подавшись вперед, едва различимым шепотом поведал мне о том, что уже несколько месяцев творится в замке. О том, что многие из прислуги слышат разные шумы, стуки и голоса, причем люди, вовсе не склонные к суевериям и тому подобным вещам.

– Поначалу, – шептал Лабиш, – я и сам полагал, что все это глупости. Ну, старое здание, может, ветер залетел в какую-то щель и шумит, а горничным кажется, что кто-то стонет. Но потом, – голос дворецкого упал до почти неслышного шепота, – однажды осенью я увидел в коридоре *его*.

– Кого? – прошептал и я, против воли завороченный его рассказом.

Антуан покачал головой.

– Я не знаю, месье. Он был в черном и скользил по полу, как тень. Как безмолвная темная тень. Лишь в одном я готов поклясться, хоть на Библии, – это не был кто-то из слуг или кто-то из тех, кто живет в замке. И, только между нами... я уверен, что он вообще был неживой.

– Значит, вы тоже его видели, – пробормотал я. – Как и Люсьен.

В глазах Антуана мелькнул страх. Нет, я не ошибся: именно страх.

– Не только видел, месье Лефер, – проговорил Лабиш. – Я еще и слышал его.

– Что вы слышали? – изумился я.

– Как он плачет. – Дворецкий облизнул пересохшие губы. – Это было ночью, месье. Я проснулся... и услышал ужасные звуки. – Рассказчик содрогнулся. – Он рыдал, как может рыдать только неприкаянная проклятая душа. Ни одному человеку не под силу произвести такие звуки.

Я немного подумал.

– Может быть, лила слезы какая-нибудь служанка? Кто-то, чья комната располагается рядом с вашей?

Антуан решительно покачал головой.

– Нет, месье. После того как умерла моя жена, комната слева пустует. А справа ничего нет, там глухая стена.

Я откинулся на спинку кресла. Антуан пришел ко мне не просто так. Он надеялся, что, может быть, я сумею отыскать всему происходящему какое-нибудь рациональное объяснение, до которого не мог додуматься он сам. Ведь, что ни говори, старый дворецкий вовсе не отличался легковерием, и его не так-то легко было испугать. Однако он сидел передо мной, зажав руки между коленями, и в его лице плескался страх.

Что же происходит в замке, в самом деле?

– Ты говорил с графом о том, что слуги слышат и видят что-то непостижимое?

Антуан несколько раз моргнул.

– Нет, месье.

– А с графиней, конечно, говорить бесполезно. – Я потер подбородок. – Скажи, ты знаешь легенду о четырех замурованных тамплиерах?

Дворецкий кивнул:

– Да, месье, я ее слышал. Говорят, тамплиеры занимались в Иссервиле всякими делами, которые были неуютны богу. Некоторые не пожелали раскаться, и тогда их замуровали в стене замка, когда король Филипп уничтожил орден.

– Думаешь, это они и есть? – напрямик спросил я.

– Если бы вы слышали, как *он* рыдает ночью, вы бы тоже в это поверили, – твердо ответил Антуан. – А кровавая надпись? Она ведь появилась не просто так.

– Пожалуй, – помедлив, согласился я. – И еще странное исчезновение судьи...

– Но судья никуда не исчез, – запротестовал дворецкий. – Кучер Альбер доложил мне, что на конюшне не хватает одной кареты. Значит, месье Фирмен просто отправился покататься...

Он хотел добавить еще что-то, но не успел. В коридоре послышались быстрые шаги, и в следующее мгновение дверь распахнулась. На пороге стояла смертельно бледная Матильда. Она запыхалась и прижала руки к груди.

– Господа, – умоляюще прошептала она, – господа... Я не знаю, что мне делать. Он мертв, о господи, он мертв! Его убили!

Мы с Антуаном и сами не заметили, как оказались на ногах.

– Кто мертв, мадемуазель? – пролепетал дворецкий. – О ком вы говорите?

Матильда в отчаянии заломила руки.

– Андре Северен, химик... Его застрелили!

2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

И опять я пропустил все самое интересное, потому что читал Стивенсона, а потом отправился искать тетю Дезире, которая куда-то запропастилась. Снаружи вновь бушевала снежная буря, а тети нигде не было, и вместо нее я увидел мамину горничную Полину, которая и сообщила мне о том, что произошло.

Убитого месье Северена обнаружила Франсуаза, которая от увиденного едва не упала в обморок, но нашла в себе силы добраться до Матильды и рассказать обо всем. Бедная Франсуаза – как будто ей мало того, что довелось пережить вчера... Мне было ее очень жаль, но еще больше – месье Северена, потому что он был добрый и никогда не чинился, не то что некоторые. И потом, из них двоих ему все-таки повезло гораздо меньше.

Меня не хотели пускать, но я все же увидел его. Он лежал на полу своей комнаты с удивленным выражением лица, которое так меня поразило, а крови (вопреки тому, что пишут в книжках) натекло совсем мало. Папа стоял возле тела с удрученным видом, слуги суетились, кто-то входил, кто-то выходил, появился и Филипп Бретель, но потом выскочил как ошпаренный. Луи Констан, помощник депутата, наоборот, никуда не выскакивал, он все ходил по комнате, осматривал тело, думал, собрав в складки кожу на лбу, и хмурился.

– Надо послать за полицией, – наконец сказал папа. – Произошло убийство, тут нет никаких сомнений.

– Думаете, деревенскому полицейскому окажется под силу разобраться в этом деле? – спросил Констан, насмешливо сощурился.

Папа метнул на него быстрый взгляд.

– Вряд ли, – со вздохом промолвил он. – И потом, лучше подождать, пока метель уляжется. Конечно, деревня недалеко, но в такую погоду...

Он не договорил. Констан положил руку ему на рукав.

– Насколько я понимаю, месье Северен представлял большую ценность для ваших предприятий? – вкрадчиво осведомился он.

– Да, – отозвался отец несколько удивленно. – А почему, собственно...

– Предоставьте это дело мне, – уверенно заявил Констан. – Не забывайте, я как-никак бывший полицейский. – Папа колебался, и тогда Констан добавил: – Когда-то я уже оказал вам серьезную услугу, так что у вас нет никаких причин не доверять мне.

Отец отвернулся.

– Делайте что хотите, – буркнул он, не поднимая глаз. – Мне все равно.

– Вот и отлично, – одобрил Констан.

Мне не понравилось, как папа вел себя в сложившейся ситуации. Я много раз слышал, как он вполне серьезно называл Северена своей надеждой, и вот... не успело тело химика остыть, как отец уже отсекся от него и предоставил тут распоряжаться какому-то прохвосту. Куда благороднее держал себя Арман, пришедший с Матильдой и дворецким. Он нагнулся и бережно закрыл химику глаза, чего никто до него так и не догадался сделать.

Луи Констан отвел папу в угол, по всей видимости, чтобы их разговор никто не смог бы услышать. Но мне страсть как хотелось знать, о чем у них пойдет речь, и, прячась за ширмами, я сумел подобраться поближе.

– Для начала я хотел бы побеседовать с вами, – начал Констан. – Правда, что Северен разрабатывал для вас какое-то принципиально новое взрывчатое вещество?

Отец кивнул.

– И в чем же заключалось преимущество данного вещества перед порохом, к примеру, или динамитом? – продолжал Констан.

– Предполагалось, что оно будет обладать большей силой, – сдержанно ответил отец.

– Северен успел довести свои работы до конца? – прищурился Луи.

– Почти, – сухо сказал отец. – К чему все эти расспросы, месье?

– Просто я пытаюсь уяснить себе суть дела, – отозвался бывший полицейский. – Мы же с вами прекрасно знаем, что некоторые научные открытия стоят больших денег... Очень больших денег! – многозначительно прибавил он. – Если бы Северен довел свою работу до конца, я так понимаю, вы бы значительно обогатились и к тому же легко поправили бы свое финансовое положение. Верно?

Отец надменно вскинул голову.

– Мое финансовое положение таково, что не нуждается в том, чтобы его поправляли, – процедил он.

Констан прищурился еще больше, и взгляд его глаз стал острым, как нож.

– А мне доводилось слышать кое-что другое, – промурлыкал он.

– Мне неинтересно, что вы там слышали... – запальчиво заговорил отец.

– Ходят слухи, – безжалостно прервал его Констан, – что ваши заводы уже некоторое время приносят одни убытки, что перестройка богом забытого замка, в котором мы теперь находимся, стоила куда дороже, чем вы предполагали вначале, и, наконец, что даже ваши конкуренты перестали воспринимать вас всерьез. Сами знаете, месье дю Коломбье, как это серьезно, когда даже ваши враги забывают о вашем существовании.

– Ложь! – выкрикнул отец, будучи вне себя. – Грязная ложь!

Констан успокаивающе похлопал его по плечу.

– Ну-ну, господин граф, не стоит так горячиться. Мы все – ваши друзья, что вы прекрасно знаете. Плохо, конечно, что убийство этого бедняги произошло в вашем замке, но, может быть, нам удастся его замять. Теперь вот что: где бумаги нашего ученого друга? Я имею в виду, куда он заносил свои расчеты, формулы и всякое такое?

– У него была тетрадь, – подумав, уже спокойнее ответил мой отец. – Синяя.

– Вы бы не могли отыскать ее? – попросил Констан. – Учитывая, сколько она может стоить, безопаснее было бы держать ее в каком-нибудь надежном месте.

– Сейчас, – буркнул мой отец. – Насколько я помню, он всегда держал ее на бюро.

Он просмотрел бумаги, лежавшие на бюро, перерыл его ящики один за другим – все напрасно. Синяя тетрадь как сквозь землю провалилась. Луи Констан присоединился к поискам, но и вдвоем им не удалось ничего обнаружить. Стало ясно, что тетрадь исчезла.

Весь красный от злости, мой отец распрямился и тут только заметил меня.

– А ты что тут делаешь, негодный мальчишка? – гаркнул он. – Вон отсюда, тебе здесь не место! А вы, Лефер, что тут забыли, спрашивается? Немедленно уведите его отсюда!

Арман стиснул челюсти, но ничего не сказал. Он взял меня за руку, и вдвоем мы вышли из комнаты.

– Скверный сегодня день, – сказал я.

– Да уж, – усмехнулся мой учитель. – Все наперекосяк.

Я знал, что мой следующий вопрос покажется глупым, и потому не сразу задал его.

– Арман, – спросил я после некоторой паузы, – а его и правда убили? Я имею в виду, он не...

– Нет, его точно убили, – твердо ответил Арман. – Застрелили в спину.

– Но кто же мог это сделать? – жалобно спросил я.

Арман пожал плечами.

– Тот, у кого есть оружие и кто умеет стрелять, – ответил он.

– Да, – вздохнул я. – И еще тот человек похитил тетрадь Северена с расчетами.

Вообще-то я сказал «упер», но в литературном произведении такие слова употреблять не годится.

– Значит, из-за тетради Северена и убили, – отозвался мой учитель. – А слуги, наверное, решат, что тут опять замешаны привидения. – Он остановился и поглядел на меня. – Куда идем?

– К тете Дезире! – воскликнул я.

Арман улыбнулся и ничего не ответил.

Но у тети Дезире было заперто, и по-прежнему никто не мог сказать нам, где она.

– Вот чудеса, – пробормотал обескураженный Арман. – Неужели она тоже исчезла, как судья Фирмен? Нет, этого просто не может быть!

3. То, что произошло на дороге между деревней Сен-Пьер и замком Иссервиль

– Но! Но, окайнные!

Злой ветер бил в лицо, снег слепил глаза человеку, сидевшему на козлах. Лошади хрипели, упирались и не хотели идти. Вся дорога была завалена сугробами, иные из которых вымахали ростом с десятилетнего ребенка.

– Но! Пошли! Но!

Ветер застонал, как вдовец на панихиде, вцепился в кучера и принялся хлестать его по щекам ледяными вихрями. Снег иголками впивался в лицо.

– А, дья...

Лошади стояли, понунив головы, и лишь тяжело вздыхали. Мужчина слез с козел и сразу же провалился по колено в снег. Он выдрал из него ногу и вновь провалился, теперь уже второй ногой. Обрадовавшись новой забаве, ветер сорвал с него шапку и швырнул ее в сугроб. Человек с воплем ринулся за ней.

– Что за невезение... гос... споди... А-а!

Небо навалилось на землю так низко, словно хотело раздавить ее. Слева – выюга, справа – снег, впереди – смерть, позади – тоже.

Мужчина поймал шапку, с кряхтеньем выдрался из сугроба. Ветер едва не сбил его с ног, и он волчком закружился на месте.

– У... Черт, черт, черт...

Ветер на мгновение стих – надо полагать, от ужаса. Злобно дернув щекой, человек кое-как набекрень надел шапку и повернулся к карете.

– Что за... – пролепетал он, не веря своим глазам.

На козлах сидела темная фигура.

Мужчина схватился за карман, в котором лежал его верный шестизарядный товарищ, который не раз выручал его прежде в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Одной пули, впрочем, в барабане уже не было, но человек был уверен, что оставшиеся пять его не подведут.

Фигура не шелохнулась, только слегка качнула головой.

– Здравствуйте, мистер Кэмпбелл, – произнесла она приятным женским голосом, как две капли воды похожим на голос Дезире Фонтенуа. – Или, может быть, правильное будет сказать – господин Грановский?

Человек оскалится, как попавшая в капкан лисица, и, разведя руки в стороны, изобразил нечто вроде шутовского поклона.

– Рад приветствовать вас, госпожа баронесса Корф! Какими судьбами вас занесло в наши края, бесценнейшая Амалия Константиновна?

В глазах учителя английского горел злой огонь, верхняя губа задралась, обнажив десны. Очки, придававшие ему такой интеллигентный вид, куда-то исчезли, как, впрочем, и нарочито невозмутимые манеры лжеангличанина. Теперь было видно, что это человек решительный, жестокий и хищный. И, само собою разумеется, опасный.

Но, похоже, Дезире Фонтенуа ни капли его не опасалась. Во всяком случае, она лишь поправила прядь волос.

– Я предполагала, что вы можете меня узнать, – уронила Дезире-Амалия.

– Конечно, я узнал вас, – беззаботно подтвердил Грановский. – В ту пору вы только начали появляться при дворе и, по-моему, даже не познакомились еще со своим бароном. Вряд ли вы запомнили меня – я тогда стоял на карауле. Ну, а вас не запомнить оказалось невозможно. Правда, я еще не подозревал тогда, какую службу мне окажет то, что я таки вас видел. И зря вы перекрасили волосы, право слово. Могли бы не стараться – я все равно бы вас узнал.

Амалия усмехнулась.

– Я не красила волосы, – ответила она. – Это парик. Именно он спас меня, когда вы с такой любезностью угостили меня вчера ночью ударом по голове.

– Значит, парик смягчил удар? – вздохнул Грановский. – Досадно. Знал бы об этом заранее, так сразу же пристрелил бы вас. – В его тоне не проскальзывало и намек на шутку. – Жаль, что именно вас послали за мной, баронесса.

– А чего вы хотели? – холодно спросила Амалия. – Вы и ваши приспешники убили лучшего царя, какого знала история России. Так не все ли равно, кто пришел бы за вами?

Глаза Грановского вспыхнули.

– Вы явились не в самый удачный момент, баронесса, – светским тоном промолвил он. – Я тут как раз проворачивал одно дельце, а вы мне все испортили.

– Да, когда наша агентура доложила, что вы под видом англичанина устроились в дом Коломбье, мы поневоле заинтересовались, – подтвердила Амалия. – Ведь он производит сталь для пушек и много чего другого, полезного в военном деле. Кстати, где вы выучили английский?

– Когда жил в Англии на нелегальном положении, – любезно ответил Грановский. – Тогда же я в совершенстве узнал англичан и понял, что нет ничего проще, чем изображать их. Надо просто делать вид, что все остальные люди для тебя не существуют.

– Думаю, последнее для вас было несложно, – заметила Амалия с подобием улыбки. – Ведь людей и их жизни вы ни во что не ставите.

– Вы имеете в виду Северена? – живо откликнулся Грановский. – Что поделаешь! Просто мне позарез было нужно то взрывчатое вещество, над которым он работал. Я не хотел убивать его, но он застал меня в своей комнате и стал грозиться, что все расскажет Коломбье. Сами понимаете, я не мог этого допустить. – Мужчина говорил, а сам незаметно поднимал руку к карману, в котором лежало оружие.

– И вы его убили, – мрачно сказала Амалия. – Когда я вошла, он был еще теплый. Если бы только я пришла раньше...

– Что я вижу, угрызения совести? – воскликнул Грановский. – Полно вам, Амалия Константиновна! Это был беспринципный мерзавец, который работал на другого мерзавца, вот и все. Конечно, Северен кое-что смыслил в своем деле, но...

– Да, я вижу, – отозвалась Амалия. И в подтверждение помахала в воздухе синей тетрадкой, которую Грановский оставил в карете.

Глаза революционера стали холодными, как лед, губы сжались.

– Ничего не забыли? – с убийственной вежливостью осведомилась Амалия, зорко наблюдая за противником.

– Послушайте, Амалия... – прохрипел Грановский. – Мне очень нужна эта тетрадка. Отдайте мне ее!

– Нет, – коротко ответила баронесса Корф. – Не отдам.

– Но почему? – проговорил Грановский, не веря своим ушам. – Почему?

– Потому что царь Александр был хороший человек, – ответила Амалия. – И он был мой друг, а вы убили его. Вот так.

Мгновение Грановский стоял, ошоломленный от услышанного, но потом его губы раздвинулись в почти озорной усмешке.

– Значит, так, Амалия Константиновна? А вам не приходит в голову, – взвизгнул он, – что я просто могу убить вас и забрать тетрадку? – Он выхватил револьвер. – Вы просто смешны, баронесса! И если я не убил вас раньше, это не значит, что я не убью сейчас!

Он прицелился и нажал на спусковой крючок. Барабан повернулся с сухим щелчком, но выстрела не последовало. Что же до Амалии, то она даже не шелохнулась.

– Черт побери! – пробормотал Грановский, с озадаченным видом глядя на свое оружие.

– Вот именно, – спокойно согласилась Амалия и сделала неуловимое движение рукой. В следующее мгновение грянул выстрел.

Лошади недовольно замотали головами, одна из них протестуя заржала. Выюга заревела с удвоенной силой, а Брюс Кэмпбелл, он же Виктор Грановский, медленно завалился на бок и больше не двигался.

– Прежде чем стрелять из оружия, проверь, заряжено ли оно, – буркнула Амалия. Сунув руку в карман, она достала из него пять патронов, мельком глянула на них и, несильно размахнувшись, швырнула в снег.

Убив Северена, Грановский понял, что надо бежать. Он забрал интересующую его тетрадь и отправился на конюшню, но, пока он возился с лошадьми, баронессе Корф удалось выследить его. Она незамеченной забралась в карету и, пока внимание Грановского было отвлечено заснеженной дорогой, осторожно вытащила у него револьвер и разрядила его, после чего вернула оружие на место. А так как баронесса Корф была одним из лучших сотрудников особой службы Его Императорского Величества, то все эти манипуляции не составили для нее особого труда.

– Прощайте, господин Грановский, – без всякой жалости в голосе сказала она и, взяв в руки вожжи, стала осторожно разворачивать карету. Лошади сначала упирались, но потом, поняв, что им предстоит возвращение в замок, бодро затрусили по сугробам. Из их ноздрей валил густой белый пар.

Что же до господина Грановского, то никто более не интересовался его судьбой, кроме притаившихся на ближайшем дереве двух ворон, которые с любопытством глядели на него. Они собрались приняться за дело, привычное с незапамятных времен, – поедание падали. И выюга с ледяным ветром не могли помешать в этом полезном и, без сомнения, благородном занятии.

Глава 5

Призраки

1. Из дневника Армана Лефера

Определенно, в замке творится что-то непонятное.

Сначала таинственным образом исчез судья Фирмен, затем куда-то запропастилась мадемуазель Фонтенуа, и в довершение всего ко мне подошел математик Ланглуа с вопросом, не попадался ли мне Брюс Кэмп-белл. Оказалось, что англичанина тоже нет на месте, и никто не знает, где он может быть.

Однако, помимо этих странных исчезновений, налицо было и самое настоящее убийство, расследованием которого занимался Луи Констан. Сначала он опросил прислугу, а потом взялся за учителей. Прежде всего он пожелал побеседовать с Брюсом Кэмпбеллом, потому что лакей Маню вроде бы видел его неподалеку от комнаты Северена примерно в то самое время, когда последний был убит. Известие, что учитель английского скрылся, отнюдь не прибавило Констану хорошего настроения.

– Вы, кажется, неплохо знали его, – сказал мне бывший полицейский.

Я ответил, что изредка играл с Кэмпбеллом в карты, но сие вовсе не значит, что я вообще его знал. Констан хмуро покосился на меня и полез в стол.

– Узнаете? – спросил он, показывая мне очки в тонкой металлической оправе. – Их обнаружили в комнате Кэмпбелла. – Констан нагнулся ко мне. – Вы не знаете, может, у него имелись запасные очки?

Но, по правде говоря, я никогда не видел у Кэмпбелла запасных очков, о чем и заявил со всей недвусмысленностью.

– У него было хорошее зрение? – осведомился Констан.

– Думаю, вряд ли, если он носил очки, – заметил я.

Мой собеседник улыбнулся.

– Наденьте их, пожалуйста, – сказал он, протягивая очки мне.

С некоторым удивлением я все же выполнил его просьбу. Однако в очках англичанина я видел точно так же, как и без них.

– Значит, Кэмпбелл носил очки с простыми стеклами? – пробормотал я, возвращая улику полицейскому. – Но зачем?

Констан улыбнулся еще шире.

– Любопытно, да? Если человек собирается делать ноги, то вряд ли он забудет свои очки, без которых плохо видит. Но, может быть, Кэмпбелл не по своей воле покинул Иссервиль? Может быть, он вообще мертв? Так я рассуждал до того момента, пока не догадался примерить очки. Тут, Лефер, возникает уже совершенно другой вопрос. К чему человеку носить очки, без которых он прекрасно может обойтись? Понимаете, о чем я?

В полном ошеломлении я уставился на него.

– Вы хотите сказать, – медленно заговорил я, – что Кэмпбелл, скорее всего, никакой не Кэмпбелл и что это он убил Северена и похитил тетрадь с его расчетами? Но зачем?

– Затем, что его подослали конкуренты Коломбье, – жестко ответил Констан, и на его скулах набухли желваки. – Вот так интересно все складывается, Лефер. – Бывший полицейский перегнулся ко мне через стол. – Теперь, дорогой мэтр рапиры, мне нужна ваша помощь. Вы и математик чаще всего общались с Кэмпбеллом. Вспоминайте все, что тот говорил и делал. Мне во что бы ни стало надо установить, что он за гусь!

И Констан сделал пальцами такое движение, словно был не прочь свернуть названному гусю шею.

Я честно поведал все, что знал о Кэмпбелле. Мой рассказ занял не так уж много времени – оказалось, что хоть я и общался с этим человеком почти ежедневно в течение нескольких месяцев, он тем не менее умудрился остаться для меня загадкой. Я не знал, откуда он был родом, не знал, как звали его родителей и чем занимались его друзья. Изредка к нему приходили письма, но он никогда не говорил, от кого они. Более того, он, кажется, сжигал их сразу же по прочтении.

Наконец Констан отпустил меня. В коридоре в меня вцепился донельзя взволнованный Люсьен.

– Месье Лефер, ее нигде нет! Надо срочно что-то предпринять!

Я не сразу уразумел, что он имел в виду свою тетку Дезире.

– Люсьен, – сказал я, чтобы успокоить его, – ну посуди сам: куда она могла деться?

Однако мальчик настаивал на своем. Он обошел весь замок, спрашивал у всех слуг, у доктора, у Матильды. Тетя Дезире пропала! А может быть... но об этом даже подумать страшно... может быть, ее похитил Кэмпбелл?

– Зачем она ему? – удивился я.

Люсьен вскинул голову.

– Арман, а правда, что именно он убил Северена?

Что я мог ему сказать? Я ответил, что у Констан имеются определенные подозрения. Поведал об очках с простыми стеклами и о том, что Маню видел англичанина возле комнаты химика тогда же, когда произошло убийство.

– До чего же это все гадко! – в сердцах проговорил Люсьен. Следующая его фраза, однако, была типично детской: – Никогда больше не буду учить английский язык!

Мы стояли у большого окна на третьем этаже, которое выходило в сад. Кажется, я первым заметил карету, которая еле-еле ползла сквозь метель.

– Смотри, Люсьен! – воскликнул я.

Мальчик встрепнулся.

– Это же наша карета! Наверное, Кэмпбеллу пришлось вернуться, потому что все дороги замело! – воскликнул он и что есть духу бросился бежать вниз по лестнице.

Лабиш поймал его у самого выхода и с трудом смог заставить надеть куртку и сапоги. Луи Констан, услышав о том, что в Иссервиль вернулась исчезнувшая карета, тоже поспешил наружу, на ходу достав револьвер и проверяя, заряжен ли он.

– Какого черта вы отпустили Люсьена? – напустился он на меня. – Вы что, не понимаете, что может произойти, если Кэмпбелл и в самом деле убийца?

И, оттолкнув меня, он выскочил за порог.

Однако бывшего полицейского ждало разочарование. На козлах кареты оказалась мадемуазель Фонтенуа. Люсьен бросился к ней и повис у нее на шее.

– Ты вернулась, вернулась, вернулась! – захлебываясь от счастья, кричал мальчик. – А мы так испугались... так испугались!

– Вы одна? – крикнул подбежавший Луи Констан.

– Разумеется, а с кем я должна быть? – надменно осведомилась красавица.

– Ах да, вы же еще не знаете, – буркнул полицейский, пряча оружие. – Брюс Кэмпбелл исчез.

– Не иначе, он превратился в привидение, – легкомысленно заметила тетя Дезире, пожимая плечами. – Люсьен! Где твоя шапка? Так нельзя: ты можешь простудиться! Идем в замок, скорее!

Ведя за собой Люсьена, она сделала несколько шагов по дорожке, но неожиданно Констан преградил ей дорогу.

– Могу ли я узнать, мадемуазель, о цели вашей прогулки? – очень вежливо промолвил он. – Согласитесь, погода не слишком располагает к подобным путешествиям. Кроме того, вы уехали, никого не предупредив!

Дезире вскинула голову. Янтарные глаза молодой женщины сделались холоднее снега, который лежал под ее ногами.

– Это замок моего кузена или ваш? – с нескрываемой иронией спросила она.

– Разумеется, это замок графа дю Коломбье, – пробормотал Констан, сбитый с толку ее тоном.

– Да? Тогда я не думаю, что должна отчитываться перед вами, милейший, в чем бы то ни было. Идем, Люсьен!

И, не обращая более никакого внимания на опешившего полицейского, Дезире двинулась к входу в замок.

2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

Пока мы поднимались по лестнице, я рассказал тете о том, что ей наверняка было еще неизвестно.

– Месье Северен, химик, застрелен, и Констан думает, что это дело рук Кэмпбелла. А сам Кэмпбелл, – закончил я, – исчез!

Мне было интересно, что тетя скажет, узнав обо всем, но она как-то равнодушно осведомилась:

– Кэмпбелл – это кто?

– Мой учитель английского, – пояснил я. – А Констан считает, что он был никакой не учитель и его подослали папины конкуренты!

Дезире остановилась и поглядела мне прямо в глаза.

– В самом деле? А сам месье Констан – каким образом он оказался замешан во все это?

– Он бывший полицейский, – отозвался я, – потому и ведет расследование.

– Ах вот оно что! – пробормотала тетя.

Больше она не успела ничего сказать, потому что к нам подошли мои родители.

– Дорогая Дезире, – сказал папа шутливым тоном, – а мы-то все гадали, куда вы могли запропасться! Ну разве можно исчезать вот так, без предупреждения?

– Я искала судью Фирмена, – объяснила тетя, стряхивая снег с прелестной пушистой шапочки, которая очень шла к ее оживленному лицу. – Вы же сказали, что он где-то гуляет, вот я и отправилась на его поиски.

Мама неодобрительно покачала головой.

– Но вы могли взять кучера! – заметила она.

– Я и сама отлично управляюсь с лошадьми, – беззаботно заметила тетя.

– Правда? – вскинул брови папа. – А мне всегда казалось, что вы их терпеть не могли, дорогая кузина. – И он пояснил маме: – С тех пор, как Дезире в детстве упала с пони и сломала руку.

– Но ведь это было так давно! – равнодушно отозвалась тетя, пожимая плечами.

– А зачем вам понадобился судья? – спросил противный Констан, который только что догнал нас.

Тетя Дезире обернулась и смерила его с ног до головы презрительным взглядом.

– Я хотела посоветоваться с ним насчет развода, – сообщила она.

Папа озадаченно моргнул.

– Чьего развода? – поинтересовался Констан.

– Моего, разумеется, – отозвалась тетя.

Тут даже моя мать открыла рот.

– Но, дорогая, – пролепетала она, как только обрела дар речи, – вы ведь еще даже не замужем!

– Вот именно, – со вздохом подтвердила тетя. – Обо всем надо думать заранее.

Отец и мать переглянулись. Чувствовалось, что они были в высшей степени поражены.

– Однако судью вам найти не удалось, – не унимался Констан.

Тетя слегка поморщилась.

– Нет, – нехотя призналась она. – Хотя это очень странно. Все дороги замело, и вряд ли он мог уйти далеко.

– А Брюс Кэмпбелл? – настаивал полицейский. – Его вы не встречали?

Однако Дезире решительно покачала головой:

– Нет. – Она обернулась к папе. – Люсьен сказал мне о том, что произошло в замке. Мне очень жаль, кузен.

Папа помрачнел.

– Да, – буркнул он, – похоже, Брюс Кэмпбелл оказался вовсе не тем, за кого мы его принимали.

Мать при этих словах сочла нужным всхлипнуть.

– И хуже всего, – добавил Констан, – что ему удалось сбежать.

– Уверяю вас, далеко он все равно не уйдет, – отмахнулась Дезире. – Однако меня удивляет, кузен, что вы с такой легкостью взяли в дом человека без рекомендаций, даже не удосужившись проверить, кто он такой.

– Ничего подобного, дорогая кузина, – возразил папа. – Рекомендации у этого человека были в полном порядке.

– Кстати, о рекомендациях, – вмешался Луи Констан. – Мадемуазель Фонтенуа высказала весьма дельную мысль. Я бы тоже хотел взглянуть на них. Быть может, нам удастся установить, кем же на самом деле является этот человек.

– А как же бедный месье Фирмен? – подала голос мать. – Что же делать с ним? Ведь странно, что его уже столько времени нет! И кузина Дезире его тоже не видела!

Луи Констан потер подбородок.

– Да, теперь совершенно ясно, что с судьей случилось что-то неладное, – буркнул он. – Мне понадобятся все ваши слуги, господин граф. Ничего не поделаешь, надо искать Фирмена. Уверен, он где-то неподалеку, иначе... Иначе все это просто не имеет смысла.

– Хорошо, – сказал папа, – берите всех, кого сочтете нужным.

– Вот и прекрасно, – одобрил Констан. – А вы пока отыщите рекомендации того молодчика.

Затем Констан собрал наших слуг, разделил их на группы и велел им прочесывать округу, пока еще светло. Вначале они, по-моему, не шибко рвались искать пропавшего судью и Кэмпбелла, о котором ходили слухи, что он убийца, но тут вмешался папа, посулил тому, кто найдет хоть одного из исчезнувших, щедрое вознаграждение, и все сразу же заметно взбодрились. Сам же Констан принялся изучать рекомендации, которые представил мой учитель английского, нанимаясь на службу в нашу семью.

– Безупречные отзывы, – заметил папа.

– Да, внешне все гладко, – проворчал Констан. – Если верить этим письмам, он обучал английскому сына Голицына и...

– Какого еще Голицына – князя Петра Голицына? – подала голос тетя, которая грела у камина озябшие руки.

– Да, именно его. А что? – с удивлением поднял голову Констан.

– Вынуждена вас разочаровать, господа, – заявила Дезире, – но у князя Петра нет сына, у него только три дочери. Я совершенно точно знаю это, потому что встречалась с ним при дворе в Петербурге.

Моя мать сразу же стала охать и причитать, что они пригрели на своей груди неизвестно кого, что Кэмпбелл наверняка висельник, каторжник и бандит и что просто чудо, что он не зарезал меня во время занятий. Все это, конечно, был жуткий вздор, потому что на занятиях Кэмпбелл был тихий, как мышь, и его никогда нельзя было вывести из себя.

– Вы, конечно, не проверяли его рекомендации, – уронил Констан, пристально глядя на отца.

Тот как-то замялся и наконец сказал, что учителей у меня так много, что просто невозможно тщательно проверить их всех.

– А зачем вы вообще обучаете сына дома? – спросила тетя Дезире. – Люсьен – способный мальчик, но это еще не повод, чтобы запира́ть его в четырех стенах. Почему бы вам не отдать его в лицей Генриха Великого, к примеру?

И она так ласково поглядела на меня, что сердце у меня в груди начало таять, как карамелька.

Папа сказал, что лично он ничего не имеет против лица Генриха Великого, но что обучение дома все-таки лучшее из всех возможных. Мама добавила, что многие мальчики в лицах грубы и дурно воспитаны и что мне не место в их компании.

– В жизни не слыхала большей чепухи, – холодно сказала тетя и повернулась к ней спиной.

Мать, разумеется, тотчас же воспользовалась этим, чтобы устроить сцену: ее, мол, не уважают в собственном доме, с ней не считаются, особа, у которой даже нет собственных детей, дает ей советы, как она должна обходиться со своими, и опять – ее все притесняют и не дают ей жить... Отец сначала пытался успокоить маму, но потом дернул за сонетку и велел вызвать доктора Виньере. Луи Констану, очевидно, тоже до смерти надоело происходящее, потому что он незаметно улизнул. Тетя Дезире удалилась, как только услышала слово «особа», и я побежал за ней, чтобы извиниться. Она шла так быстро, что я догнал ее только у двери ее покоев.

– Вы не должны сердиться на маму, – выпалил я первое, что пришло мне в голову, – доктор Виньере говорит, что во всем виноваты нервы, потому что раньше она такая не была. Она очень изменилась с тех пор, как погиб мой брат.

Тетя Дезире улыбнулась и потрепала меня по щеке.

– Ты славный мальчик, Люсьен, – сказала она. – Книжка тебе понравилась? Вот и хорошо.

И она ушла к себе, а я стоял и чувствовал себя так, словно мне вручили орден.

Конечно, глупое сравнение... Ну и пусть!

3. Из дневника Армана Лефера

Слуги искали весь день и никого не нашли. Судья Фирмен как сквозь землю провалился. С Брюсом Кэмп-беллом дело обстояло ничуть не лучше.

Все забыли про елку, про Рождество, про подарки. Филипп Бретель, ни на шаг не отходивший от своей смертельно испуганной жены, казалось, вообще сожалел, что оказался здесь, а не где-нибудь в другом месте. Пино-Лартиг развивал самые фантастические версии. Он считал, что Кэмпбелл был агентом английской королевы⁶, которая не желала допустить нашего военного превосходства, именно поэтому англичанин убил Северена и украл его расчеты.

– Ох уж эти англичане! – то и дело повторял Пино-Лартиг, от возбуждения сюсюкая еще сильнее, чем обычно. – От них всего можно ожидать!

Что же до Ланглуа, то он придерживался несколько иной версии, и, надо признать, она выглядела куда более логичной, чем все предположения депутата.

– В конце концов, что мы имеем? С одной стороны, убитый химик и пропавшие бумаги. С другой стороны, судья, которого, судя по всему, уже нет в живых, иначе он непременно дал бы о себе знать. С третьей стороны, есть некто, кого мы знали под именем Брюса Кэмпбелла...

– И что же из этого следует? – перебил я математика.

Ланглуа важно поднял палец.

– Допустим, Кэмпбеллу – будем по-прежнему называть его так – были позарез нужны расчеты Северена. Но при чем тут судья? Почему судья Фирмен должен был исчезнуть именно в то же время? А между тем все очень просто. Судья Фирмен знал Кэмпбелла!

– Послушайте, что вы несете? – возмутился Коломбье. – Я ни на мгновение не поверю, что мой старый друг Оливье был в стоворе с этим чудовищем!

– Минуту терпения, господин граф, – живо возразил математик. – Сдается мне, что вы не так поняли мои слова. Когда я сказал, что месье Фирмен знал Кэмпбелла, я имел в виду нечто совсем иное. Вы забыли о профессии месье Фирмена, – многозначительно прибавил он.

Старый Пино-Лартиг подскочил на месте как ужаленный.

– А ведь верно! Фирмен – судья! И, может быть, он уже встречал негодяя прежде – на скамье подсудимых!

– Вот именно! – воскликнул Ланглуа. – Месье Фирмен уже встречал Кэмпбелла – и узнал его, вновь увидев в замке. В конце концов, что заставляет нас думать, что Кэмпбелл – англичанин? А что, если он один из наших преступников, которому удалось бежать в Англию? Там он выучил язык, потом некто надоумил его заняться делом Северена, и Кэмпбелл приехал сюда под видом учителя английского. На всякий случай он носил очки, чтобы его не узнали, и, не исключено, даже перекрасил с той же целью волосы. Вот только судью Фирмена ему обмануть не удалось! Оказавшись перед угрозой разоблачения, Кэмпбелл убил беднягу, и теперь бездыханное тело месье Фирмена лежит где-нибудь в снегу.

Графиня Коломбье содрогнулась.

– Какие ужасы вы говорите, месье! – плачущим голосом произнесла она. – Нет, я уверена, что бедный месье Фирмен просто вышел до завтрака погулять, и... И с ним произошел сердечный приступ. А то, что вы тут только что рассказали... нет, невозможно, просто невозможно!

Очевидно, графиня принадлежала к числу тех людей, которые, повторив сто раз «невозможно», окончательно убеждаются в том, что событие, о коем идет речь, действительно перестает являться возможным. Однако большинство присутствующих, к счастью, придерживалось другой точки зрения.

⁶ Королевы Виктории.

– Должен сказать, – задумчиво заметил Луи Констан, – что ваша теория, месье Ланглуа, представляется мне весьма интересной.

Математик напыжился, как индюк, которому только что сказали, что он угодит в суп к самому королю.

– О, месье Констан, мышление – моя профессия! Ведь математика, царица всех наук, так развивает мозг, что не пользоваться им в повседневной жизни становится просто невозможно!

Констан нахмурился, усмотрев в словах математика какой-то обидный для себя намек. Пино-Лартиг хихикнул и потер свои узловатые старческие ручки.

– Браво, месье Ланглуа! Вот у кого вам стоит поучиться, Констан! Не то я ведь могу и уволить вас, а на ваше место взять человека, который умеет думать.

– Пока все это лишь догадки и гипотезы, месье, – возразил задетый за живое полицейский.

– Да, но из множества гипотез одна всегда является истинной, не забывайте, Констан!

Взгляд, которым полицейский смерил Ланглуа, сулил тому по меньшей мере гильотину с последующим четвертованием. Однако математик ничего не заметил. За обедом он изложил свою теорию Матильде, которая от всего случившегося была сама не своя, и красивой мадемуазель Фонтенуа, которую, по моему мнению, все преступления на свете волновали куда меньше десерта, который она поглощала в ту минуту. После утра, проведенного на морозе, мадемуазель слегка покашливала, но аппетит у нее был отменный. И при том она не забывала улыбаться племяннику всякий раз, как замечала его обожающий взгляд, устремленный на нее.

После обеда слуги опять отправились прочесывать сад под руководством Констана, а я направился к себе. По пути я невольно стал свидетелем одного неприятного происшествия: старая служанка Клер бежала по лестнице, держа в руках какую-то зеленую тетрадь, и маленькие глазки ее горели неопишуемой злобой.

– Господин граф, – кричала мегера, – вы только полюбуйтесь, что пишет ваш сын! Я нашла эту пакость у него под подушкой. Нет, вы только взгляните!

Бедный юный Люсьен, следовавший за Клер по пятам, сделался багровым, как пион, страдающий краснухой. Он попытался вырвать тетрадку из рук мерзкой служанки, но та с непостижимым проворством увернулась и побежала по лестнице дальше. Навстречу ей поднималась Дезире Фонтенуа, подобрав пышные юбки аметистового платья. Словно уступая дорогу служанке, она скользнула к перилам и в то же мгновение слегка выдвинула вперед носок правой туфельки. Не заметив, что ей подставили ножку, Клер споткнулась и кубарем покатилась вниз по лестнице, от неожиданности выпустив тетрадь. Тетя Дезире протянула руку и с завидным хладнокровием поймала тетрадь еще в полете. Положительно, у молодой женщины отменная реакция!

Поверженная Клер лежала внизу лестницы и стонала, не в силах подняться. Похоже, ей и в самом деле пришлось туго, но я слышал, как у меня за спиной посмеивались молоденькие служанки, у которых гадкая жаба в женском обличье успела выпить немало крови. Единственной, кто бросился Клер на помощь, оказалась Матильда. О моя добросердечная Матильда... которая, скорее всего, никогда не будет моей...

Дезире Фонтенуа махнула тетрадкой, подзывая племянника. Мальчик подошел, потупив голову. На его щеках все еще полыхали два алых пятна.

– Это твое? – спросила у него Дезире.

Люсьен утвердительно кивнул.

– Тогда держи, – великодушно сказала его тетушка и, даже не сделав вполне простительной в подобном случае попытки заглянуть в тетрадку, отдала ее Люсьену. Мальчик схватил тетрадку и убежал – надо полагать, торопился запрятать свое сокровище в более надежное место.

Граф, укоризненно качая головой, подошел к кухне.

– И зачем вы так поступили, дорогая Дезире? – Он кивнул на Клер, которая охала и никак не могла встать на ноги, несмотря на то что ее пытались поднять уже не только Матильда, но и пришедший ей на помощь Ланглуа. – Она ведь могла шею себе сломать, в конце концов!

– Подумаешь! – беззаботно парировала Дезире. – Некоторые шеи просто созданы для того, чтобы их ломали. – Она обернулась и смерила кузена зорким взглядом. – А вам, дорогой Эрнест, не стоит поощрять слуг шпионить за вашим сыном. Конечно, если вы не хотите, чтобы он возненавидел вас.

– Но Клер – одна из самых преданных наших служанок! – возразил задетый за живое граф. – Конечно, она не всегда права, но...

– Запомните, дорогой Эрнест, – медовым голосом пропела мадемуазель Фонтенуа, и ее глаза сузились. – Избыток преданности бывает иногда еще более вреден, чем ее недостаток! Послушайтесь моего совета, избежьте от этой особы, и вы сразу же избежите от множества проблем.

– Благодарю за совет, дорогая кузина, – с поклоном отозвался граф, – но в ближайшие сто лет я вряд ли последую ему. Я уже имел случай убедиться в верности Клер и не собираюсь ее увольнять. – Он возвысил голос: – Антуан! Будьте добры, позовите доктора Виньере, пусть он осмотрит Клер.

– Да, господин граф, – отвечал дворецкий, кланяясь.

– А вы, Лефер, помогите отнести бедняжку к ней в комнату. Я знаю, вы тоже ее не слишком жалуете, но... Проявите хоть немного христианского милосердия, в конце концов!

Без особой охоты я отправился выполнять приказание графа, а Дезире, буркнув себе под нос: «Надо же, какая забота», с треском раскрыла веер и величаво двинулась вверх по лестнице. Она шла, а ступеньки словно сами стелились ей под ноги, счастливые тем, что именно она попирает их. Уверен, не только у меня одного возникло такое впечатление. По крайней мере, граф Коломбье проводил свою кузину тоскующим взглядом и тяжело вздохнул.

4. То, что произошло в комнате

Клер Донадье три часа спустя

Клер страдала. Ох-ох-ох, как болит все тело, просто сил нет! Ведь она ступенек десять пролетела, не меньше, на этой проклятой лестнице. Все потроха себе отбила, право слово, а все из-за этой разряженной паскуды, чтоб ее...

Клер ненавидела женщин, которые слишком хорошо одеваются. Все они – блудницы, грешницы и дочери порока, и им самое место в аду. А хуже всех – Дезире Фонтенуа, хозяйская кузина, которая давеча подставила ей ножку и не постыдилась выставить на посмешище почтенную старую женщину. Какой срам – так упасть, да еще у всех на виду! Теперь ее ни одна горничная слушаться не станет, а если этих потаскушек не держать в страхе, так они весь дом против тебя взбаламутят. Клер заворочалась на мягкой перине, но ребра тотчас занули так, что она сдавленно застонала.

«Ну погоди, Дезире Фонтенуа, князева подстилка, поплачешь ты еще у меня. Я еще с тобой поквитаюсь, даром что я служанка, а ты хозяйка, которую слушаться должно. Ты еще пожалеешь, что посмела со мной так обойтись! Я тебе... я тебе толченого стекла в еду подсыплю, вот. Как ты со мной, так и я с тобой. Ух, и посмеюсь я, когда у тебя животик-то прихватит! А если и обнаружат что, скажу, что это все проделки Франсуазы, потому как она уже давно не в себе. Мыслимое ли дело – надписи ей какие-то чудятся кровавые, даже и молвить неудобно! А все от лени, да от обжорства, да от блуда с этим Альбером, очередным смазливцем окаянным. У, эти мужчины – вечно им подавай свежее мясо, да таких, которые помоложе да побойчее, нет чтобы на душу человека оглянуться... Мерзость, да и только! И куда катится этот мир?» Вот что думала Клер между стенаниями.

Стук-постук в дверь. Интересно, кого еще там черт несет? Так и есть, доктор Виньере! Зашел узнать, как она себя чувствует. Снаружи весь такой из себя солидный, а внутри – кисель прокисший, и только. Студень в жилетке!

– С Рождеством вас, дорогая Клер!

«Это он подлизывается, раз я уже дорогая стала. Нет, доктор, со мной все хорошо, можете не беспокоиться. Завтра я как встану, так всем им задам! Они у меня узнают, как в кулачок надо мной подхихикивать!»

Ушел доктор, слава богу. Дурень! Чистый дурень! Нужны Клер его заботы! Как будто она не знает, что его знаниям – грош цена в базарный день. Никого они не могут вылечить, эти доктора! Только бахвалятся, а толку – чуть!

За окнами уже темно, однако. И ветер! Чего он воет, этот ветер? Слушать тошно. Ах, как противно оставаться в такие мгновения одной! Господа-то небось уже за стол сели, на елке зажгли свечи, Люсьен получил свои подарки... Противный мальчишка! Ничего, он еще попляшет! Клер все равно доберется до его тетрадки, и все узнают, что он в ней накалякал!

Клер, охая, заворочалась на постели. Где-то начали бить часы – и внезапно умолкли. «Подремать, что ли, немножко?» – подумала Клер, и в следующее мгновение... из противоположной стены показался призрак.

На нем был темный рыцарский плащ, спадающий до пят. Голову скрывал капюшон. Лица не было видно, и Клер внезапно со страхом сообразила, что это вовсе не потому, что оно осталось в тени, а потому, что лица просто нет.

– Помо... – захрипела она, видя, что призрак направляется прямо к ней, но окончание фразы съел какой-то невнятный писк, и Клер в ужасе поняла, что голос изменяет ей. Схватив со столика у изголовья первое, что попало под руку, – толстенную Библию, – Клер что было сил метнула книгу в голову привидения, но та пролетела сквозь него, как сквозь туман, а сам призрак по-прежнему продолжал наступать на женщину.

– На помощь! – не помня себя, взвизгнула Клер, и тут из стен показались еще призраки.

Один из них, очевидно, застрял и никак не мог выбраться наружу. Клер в смертельном страхе смотрела, как он извивается. Но вот он дернулся, и плащ слетел с него, обнажив желтоватый скелет. Шипя, как змеи, четверо призраков стали наступать на Клер, протянув к ней руки.

– А-а-а! – слабо застонала служанка, сползая с кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.